

РОВЕСНИК

5
1981

870h

РОВЕСНИК

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СССР

ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

Май, 1981, № 5

В НОМЕРЕ:

СОТРУДНИЧЕСТВО ГРАДОСТРОИТЕЛЕЙ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА И ГДР
И ДРУГИЕ МАТЕРИАЛЫ
О СОДРУЖЕСТВЕ БРАТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН

На первой странице обложки: Май! Праздник пробуждения природы, праздник трудящихся людей, солидарных в своем стремлении, вере и надежде на будущее, в котором «Мы наш, мы новый мир построим...». Мир труда, справедливости и счастья.

4. А. Каверзнев. «...ГИГАНТСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА»
7. Н. Николаева. СТРОИТЬ — СТОИТ
10. Михаил Бергер. ИСПОЛНЕНИЕ ОБЕЩАНИЯ
13. Н. Непомнящий. ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ САМИХ СЕБЯ...
16. Н. Андреев, Г. Гагарина. МОДА? МОДА! МОДА...
18. СМОТРИТЕ!
20. Гэй Мартин. «ВЛАСТЬ БЕЛЫХ! — АМИНЬ!»
23. Нина Чугунова. «ПРОСТО, КАК РУКА У МИКЕЛАНДЖЕЛО»
26. ЧТО ГОВОРЯТ... ЧТО ПИШУТ...
28. Брайан Гленвилл. БОМБАРДИР

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, С. М. ГОЛЯКОВ, И. В. ГОРЕЛОВ, А. С. ГРАЧЕВ, В. А. ГУСЕЙНОВ, М. А. ДРОБЫШЕВ, А. А. КАВЕРЗНЕВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, С. Н. КОМИССАРОВ [зам. главного редактора], В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА [ответственный секретарь], Б. А. СЕНЬКИН

Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор А. Т. Бугрова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а.
Телефон 285-89-78. Рукописи не возвращаются. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на журнал.

Сдано в набор 17.03.81. Подп. к печ. 24.04.81. А01361. Формат 84×108¹/₁₆. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 5,5. Тираж 1 220 000 экз. Цена 25 коп. Заказ 343.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Суцневская ул., 21.

ВСЕМИРНЫЙ МОЛОДЕЖНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ЛОНДОН. Национальный союз студентов Великобритании призвал правительство отказаться от решения повысить плату за обучение для студентов-иностранцев. В документе, принятом этой студенческой организацией, говорится, что в результате увеличения платы за обучение число студентов-иностранцев в английских вузах уменьшится почти в два раза.

ДЕТРОИТ. В этом американском городе состоялась национальная конференция против введения военной регистрации. Сюда съехались сотни активистов молодежных и общественных организаций, представители вузов и колледжей из многих городов страны. Десятки ораторов, представлявших самые разные слои населения, профсоюзные, молодежные и негритянские лидеры выступали с резким осуждением попыток дальнейшей милитаризации страны. «Мы не должны позволить принести молодежь нашей страны в жертву алчности», — заявили они на массовом митинге, которым открылась конференция.

ПЕКИН. Газета американских коммунистов «Дейли уорлд» сообщает, что во многих провинциях Китая прошли студенческие забастовки. Студенты протестуют против плохого состояния китайской системы образования, против поощрения правительством частных школ, против введения платы за обучение и отмены субсидий для студентов.

САН-САЛЬВАДОР. Сальвадорские патриоты продолжают вооруженную борьбу против диктаторского режима, поддерживаемого Соединенными Штатами. Пытаясь удержаться у власти, реакция усиливает террор против восставшего народа. За прошедший год в Сальвадоре убито более десяти тысяч человек. Руководят карательными операциями американские «советники». США ведут подготовку к открытому военному вмешательству в Сальвадоре.

На снимке: молодые бойцы — члены Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти (ФНО).

ЛЕЙПЦИГ. Недавно исполнилось десять лет ансамблю «Солидарность», созданному в Лейпцигском университете — одном из крупнейших вузов ГДР. Этот коллектив объединяет более двухсот человек, в том числе студентов-иностранцев, обучающихся в ГДР. Название ансамбля прекрасно отражает характер его творчества. Во время концертов и спектаклей коллектива зрители не просто знакомятся с песнями и танцами народов разных стран, они узнают об освободительной борьбе патриотов Южной Африки и Латинской Америки, Палестины и Чили, учатся солидарности. Ансамбль часто выступает на заводах, в фабричных клубах ГДР, бывает на гастролях за рубежом. Так, во многих странах рассказывали о борьбе своего народа участники чилийской группы.

ПАНАМА. Здесь прошел семинар, на котором обсуждались проблемы борьбы студенческих организаций против американского военного присутствия в странах Латинской Америки и бассейне Карибского моря. В последние годы силы империализма, и в первую очередь США, увеличивают военную помощь реакционным режимам Латинской Америки. В заявлении Континентальной организации латиноамериканских студентов говорится, что за период с 1959 по 1979 год диктаторские режимы Центральной Америки получили от США военную помощь в размере 119,5 миллиона долларов, еще более 33 миллионов пошло на обучение около 15 тысяч наемников. Участники семинара в Панаме заявили, что империалистическое вмешательство не сломит освободительную борьбу народов Латинской Америки.

БОНН. В ФРГ под лозунгом «Против американских ядерных ракет на нашей земле! В духе Ленина, Либкнехта и Люксембург — за мир, против милитаризма и войны!» прошла неделя Германской коммунистической партии. Влияние ГКП среди населения страны и прежде всего молодежи постоянно растет. Все больше и больше юношей и девушек ФРГ, особенно молодых рабочих, вступают в партию коммунистов.

На снимке: молодые коммунисты — рабочие судоверфи.

УЛАН-БАТОР. Большой группе советских специалистов, работающих в МНР, присвоено звание «Лучший наставник молодежи», учрежденное Центральным советом монгольских профсоюзов и ЦК ревсомола. Опытные наставники из Советского Союза работают на ударных стройках Монголии, в геологических партиях, на шахтах и в карьерах, в госхозах и сельхозобъединениях. Только за годы прошедшей пятилетки под их руководством приобрели новые профессии или повысили квалификацию более 40 тысяч монгольских юношей и девушек.

ХАНОЙ. Сотни молодых вьетнамцев работают на строительстве цементного завода в селении Бимшон. В овладении профессиями им помогают советские строители и специалисты. Бимшон — «стройка дружбы», одно из 90 предприятий и объектов, проектируемых и строящихся в братской стране при техническом содействии Советского Союза.

АДДИС-АБЕБА. Недавно в Эфиопии завершился второй этап кампании по ликвидации неграмотности среди населения. Он предусматривал усложненный курс занятий для учеников, успешно сдавших экзамен на грамотность, повторные курсы для тех, кто еще недостаточно хорошо усвоил азы грамоты. Учителями часто становятся старшеклассники, студенты, а среди учеников нередко можно увидеть их дедушек и бабушек. Обучение ведется на пяти местных языках, постепенно вводится курс занятий еще на пяти языках страны. Сейчас в стране действует примерно 35 тысяч центров по борьбе с неграмотностью, где работают более двухсот сорока тысяч учителей.

ТЕЛЬ-АВИВ. В разных городах Израиля прошли забастовки рабочих, требующих улучшения условий труда и жизни. Правящие круги Израиля проводят откровенно антинародную, милитаристскую политику. В стране бушует инфляция, беспрецедентного уровня достигли военные расходы. В этих условиях израильский кнессет (парламент) принял решение о проведении 30 июня досрочных парламентских выборов.

На снимке: бастующие рабочие Израиля.

ЗА ГОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА БРАТСКИЕ СТРАНЫ НАКОПИЛИ МНОГООБРАЗНЫЙ ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА, УПРАВЛЕНИЯ, РЕШЕНИЯ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОБЛЕМ.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева «Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики».

Мы живем лучше, но жить стало сложнее. Что за странная формула? — спросите вы. Между тем в нее довольно полно укладывается смысл того, что приходится слышать в Москве и едва ли не везде, куда приезжаешь, — в Праге, в Будапеште, в других столицах социалистических стран. За пределами нашего содружества составные этой формулы иные. В Западной Германии, например, даже люди, не лишенные достатка и не утратившие перспектив, говорят: «Тучные годы остались позади, мы вступаем в десятилетие тощих лет».

Но сосредоточимся на нашем собственном житейском опыте.

Согласитесь, что, как правило, мы живем в лучших квартирах и в большем комфорте, чем несколько лет назад. Дорогую мебель раскупают в количествах, которые недавно казались баснословными. За книгами очереди, хотя изданий больше и цены на них выше: чуть ли не каждый обзаводится собственной библиотекой. Стоит ли напоминать об автомобилях, о стереосистемах, которые втрое дороже пианино, о прочей домашней технике? О том, что нашла выход наша неуемная страсть к путешествиям и прочим отнюдь не бесплатным развлечениям? Мы живем лучше. Как справедливо отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду нашей партии, то, что сделано социалистическими странами в экономическом развитии, в повышении уровня жизни людей, — это целая эпоха.

Значит ли это, однако, что исчезли трудности, что в нашей повседневной жизни мы не сталкиваемся подчас с неурядицами? Те же шедевры домашней электронной техники приходится неделями выискивать в магазинах, а в летний сезон билет на курортную линию добывается с великим трудом. Надо ли продолжать? На работе, где проходит главная часть нашей жизни, тоже не все просто. Тебе отвели новейший станок или отличную лабораторию, предоставили наконец тихий кабинет — но упростилась ли от этого жизнь? Нет. От тебя требуется больше дисциплины, ответственности, движения мысли, нервного напряжения. Жить стало гораздо интереснее, но сложнее.

Не будем пока делать выводов. С элементарного житейского уровня поднимемся чуть выше — хотя бы до горизонта среднего хозяйственного руководителя. У него обновленный, если не только что построенный завод, автоматика, надежная техника безопасности, хорошая рабочая столовая, чудный детский сад. На это директор положил годы. Но наслаждаться ему некогда. Теперь он обязан думать об эффективности, знаках качества, хитроумных связях с сотнями поставщиков сырья и полуфабрикатов, о прибылях и еще бог весть о чем, на что прежде не обращали столько внимания. Иного начинает грызть ностальгия по ушедшим временам. Дома, вспомнив давнее, он в сердцах говорит жене: «Боже, как было хорошо, как было просто...»

«...ГИГАНТСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ПЕРЕДОВОГО ОПЫТА»

А. КАВЕРЗНЕВ,
политический обозреватель
Советского телевидения и радио —
для «Ровесника»

Поднимемся еще выше — на уровень отрасли, потом народного хозяйства в целом, затем — всего социалистического содружества. Национальные доходы стали колоссальными, мощности огромными, возможности широкими, но только и речь, что о проблемах, проблемах, проблемах... Сколько их, связанных с энергетикой, сырьем, освоением капиталовложений, нехваткой трудовых ресурсов, организацией производства, кооперированием, снабжением, рынком! Словно могучий джинн вырвался из бутылки и буйнит так, что с ним не совладать.

Но это эмоции. Если говорить по существу, то планировать, управлять, хозяйствовать и вообще жить действительно стало сложно. И не потому, как думают некоторые, что мы чего-то не поняли, в чем-то просчитались, что-то не так сделали. Разумеется, ошибки были и есть; только легкомысленный человек станет утверждать, что их не будет. Социализм — молодой организм, далеко не во всем устоявшийся; он повседневно и во всем ищет новые решения. Могут ли они всегда быть безупречными? Убежден, что надо не сетовать по поводу ошибок, а энергично использовать способность социализма к постоянному самообновлению и самосовершенствованию. Что же касается возникших сложностей, то скажите: в какие времена сегодняшний день был проще вчерашнего? В этих сложностях в конечном счете и заключается прогресс, побуждающий думать, искать, идти вперед.

Во второй половине семидесятых го-

дов весь мир довольно быстро и неожиданно оказался в новых условиях. вспомните потрясший Запад нефтяной кризис, внезапный энергетический голод, стремительный рост цен на сырье, инфляцию, появление нефtedолларов, резкие перемещения капиталов из страны в страну, мгновенно возросшую роль развивающихся государств и разного рода сопутствующие процессы. Так или иначе условия мирового хозяйствования сильно изменились. Нет сейчас на Западе такой страны, которая не испытывала бы затруднений и не билась бы в поисках новых концепций развития.

Поскольку в мировом хозяйстве многое взаимосвязано, негативные явления в капиталистической экономике определенным образом отозвались и в социалистической. От крупных потрясений мы прочно защищены самообеспеченностью основным сырьем, своей промышленной мощью, взаимопомощью братских государств, всей структурой планового хозяйства. Но ведь не только глобальные перемены бывают болезненными. Простейший пример: несколько лет назад бурный рост цен на кофе потребовал от социалистических государств многомиллионных дополнительных валютных расходов. Почти одновременно резко подорожали цветные металлы, которые многие страны содружества покупают на мировом рынке. Никто не мог этого предсказать, промышленность была ориентирована на использование именно этих металлов. Так что же, останавливать заводы? Нет, конечно, пришлось платить.

В последние годы общемировая тенденция такова, что импорт сырья обходится все дороже, а цены на готовые изделия хотя и возрастают, но медленнее. Значит, расплачиваться за импорт приходится все большим количеством экспортируемых товаров. Как соблюсти баланс? Вы скажете: наращивать производство на экспорт. Верно, но только не надо сбрасывать со счетов, что в мире производителей много, а потребности не безграничны. Наши товары должны быть конкурентоспособными. Сегодня мы можем, конечно, выпускать большинство изделий высочайшего качества. Да вот вопрос: во сколько они обойдутся нам самим? Повышать качество, снижая себестоимость, — задача головоломная. Ее не решить без новейшей технологии, без крупносерийного производства. А это опять капиталовложения. Приходится изобретать, считать и маневрировать, чтобы баланс все же был. Представьте себе, насколько сложнее стало хозяйствовать Германской Демократической Республике, Венгрии, Чехословакии, если около половины их национального дохода формируется при посредстве внешней торговли, третья часть которой приходится на долю капиталистических и развивающихся стран.

Когда на Западе складываются критические ситуации, жестче становится экономическая политика в целом. Например, страны «Общего рынка» проводят откровенно дискриминационную политику в отношении Болгарии, Венгрии, Румынии, Чехословакии, которые издавна сбывали в Западную Европу овощи,

фрукты, хмель, некоторые традиционные мясные продукты. Теперь их ставят в неравные условия. Я не говорю уже о всякого рода эмбарго со стороны Соединенных Штатов Америки и стран НАТО по политическим мотивам. Экономике социализма они не подорвали, но и положения не упростили.

Однако условия нашего развития осложнились не только из-за нынешнего состояния мирового хозяйства. Есть и другие объективные причины — так сказать, внутреннего характера. Они, пожалуй, даже более существенны. На первое место, видимо, надо поставить проблему экономического и сырьевого обеспечения стран содружества в целом. Европейские партнеры по Совету Экономической Взаимопомощи преобладающую часть своих потребностей в нефти, природном газе, черных металлах, асбесте и ряде других видов сырья покрывают из советских источников. Во второй половине семидесятых годов эти источники стали быстро «перемещаться» на Восток, за Урал, на европейской территории нашей страны ресурсы подошли к концу. В Донбассе на десятках шахт уголь теперь вынуждены добывать с километровой глубины и более; на старых нефтяных промыслах приходится углубляться почти на четыре километра. Продукция получается очень дорогой. Главные наши ресурсы, причем огромные, на десятки лет гарантирующие социалистической экономике независимость, — в Сибири. Их энергично осваивают. Но уже в минувшей пятилетке мы затратили многие миллиарды только на то, чтобы обеспечить достав-

ку оттуда нефти и другого сырья к западной границе СССР. В рамках СЭВ выработаны справедливые, никого не ущемляющие принципы распределения этого бремени между партнерами: каждый вносит вклад пропорционально тому, что получает. Можно сослаться на строительство газопровода «Союз» — это впечатляющий пример. (О нем, кстати, не раз писали спецкоры «Ровесника», выезжавшие на различные участки этой интернациональной стройки.) Но в любом случае, как ни суди, для всех нас это дополнительные усилия и заботы.

Другое принципиально новое обстоятельство — крайне ограниченный прирост трудовых ресурсов. По демографическим причинам в этом десятилетии в самостоятельную жизнь вступит значительно меньше молодых людей, чем в шестидесятых и семидесятых годах. Речь идет о детях того малочисленного поколения, которое родилось во время войны. А закончивших трудовую жизнь будет больше. Советский Союз впервые сталкивается с такой проблемой, тогда как в ГДР, Чехословакии, Венгрии она стала актуальной много лет назад. По их опыту можно до тонкостей представить себе, как это скажется на экономике, на социальных отношениях. Народное хозяйство не сможет ориентироваться на экстенсивное развитие, когда позволительно было, допустим, задумать большую стройку и более или менее спокойно рассчитывать на приток рабочих. Теперь предстоит за счет повышения производительности труда высвободить уже где-то занятых людей и перемещать их на новые места. Это будет происходить как бы само собой, если удастся правильно выбрать действенные экономические рычаги интенсивного развития. Но выбрать — это опять-таки задача сама по себе нелегкая. В ряде случаев не избежать известных трудностей. Ведь привлечь работников высокой зарплатой, хорошей квартирой, прочими льготами — это еще не все. Есть психологические аспекты, связанные с отрывом от привычной среды, с приспособлением к новому месту, особенно если это связано с переездом в другие края. Словом, могу повторить: жить будет лучше, но жизнь станет сложнее.

Я упустил бы важный момент, не сказав про объективные затруднения, с которыми столкнулось сельское хозяйство стран содружества. Вполне естественно, что идеальные для крестьян погодные условия не могут быть одновременно на Кубе, в Восточной Европе, в Сибири, в Монголии и во Вьетнаме; всегда где-то засухи, избыточные дожди или стихийные бедствия. Но противостоит, когда буквально повсюду погода не благоприятствует сельскому хозяйству. Однако на протяжении последних лет мы несколько раз сталкивались именно с таким явлением. Страдали сахарные и табачные плантации на Кубе; год за годом недороды зерна были в Восточной Европе, особенно в Польше, буквально измученной ливня-

ми и наводнениями; в нашей стране из последних пяти лет три года погода была плохой для сельского хозяйства; редкостные по частоте и силе тайфуны губили рисовые посевы во Вьетнаме. Если дозволено тут мрачно пошутить, то скажу, что природа, разумеется, не наносила выборочные удары по социалистическим странам. Она не пощадила многие районы Соединенных Штатов; поистине трагическая ситуация в Африке, где южнее Сахары более двадцати стран сейчас на грани голода. Мировой рынок зерна оскудел в целом, продовольственный баланс ухудшился. Это тоже в какой-то мере новое обстоятельство по сравнению с серединой семидесятых годов.

Я вовсе не хочу посеять пессимизм, от которого и сам далек. Ничего угрожающего в сложившемся положении нет. Но это новые условия, их надо видеть, к ним надо приспособиться. На протяжении нашего столетия человечество несколько раз сталкивалось с кардинальными изменениями в условиях хозяйствования и всякий раз прогрессировало. Сейчас тоже уже найден ряд решений, позволяющих нам уверенно браться за возникшие проблемы и идти к поставленным целям. В минувшем пятилетии страны социалистического содружества заложили основу для того, чтобы теперь приняться за более сложные задачи.

Наши друзья, да и весь мир с обостренным интересом ждали, как сформулирует эти задачи Коммунистическая партия Советского Союза. Как она будет действовать в сложившихся обстоятельствах, какую изберет стратегию и тактику? Теперь это известно из решений XXVI съезда КПСС, Отчетного доклада, с которым выступил товарищ Л. И. Брежнев, и Основных направлений развития нашей страны в нынешнем пятилетии и вплоть до 1990 года. Среди многих отзывов мне запомнилась афористично прозвучавшая фраза, услышанная от одного из руководителей Чехословакии: «Ваша страна — гигантская лаборатория передового опыта!» Он говорил с откровенным восхищением. Сейчас опять ведь приходится искать непроторенные пути. Между тем в планах нашей партии все так продуманно и взвешенно, что сквозь чащу проблем ясно просматривается прямой, без отклонений путь к неизменной цели: подъему благосостояния народа и всестороннему развитию личности. Что надо сделать, чтобы приблизиться к этой цели? Партия предусмотрела: перевести экономику на интенсивный путь развития; более рационально использовать производственный потенциал; ускорить научно-технический прогресс; всемерно экономить ресурсы; улучшить качество работы.

Если вы мысленно вернетесь к тому, о чем говорилось в этой статье, то легко убедитесь: об этом же думают и в других социалистических странах. В таком широком смысле и надо прежде всего понимать сказанное на XXVI съезде нашей партии о том, что при разработке

основных направлений развития нашей страны учтен опыт всего социалистического содружества.

Можно и конкретизировать учтенное. Всего не объять, остановлюсь на нескольких примерах. Из области той же топливно-энергетической проблемы: наши друзья не ограничиваются призывами не жечь попусту свет и не выпускать тепло на ветер. В Германской Демократической Республике успешно работают над созданием принципиально новых технологий, менее энергоемких и сокращающих расход металла, особенно в машиностроении. Образец скрупулезного подхода к делу дала Чехословакия.

Из другой сферы — совершенствование управления экономикой. Так называемый хозяйственный механизм применительно к новым условиям отрабатывается в европейских странах содружества не первый год. В самом общем виде суть сводится к тому, чтобы определенным образом выстроить систему плановых показателей, государственных кредитов, дотаций, налогов, прибылей, фонда заработной платы и прочих рычагов управления. Умело применяя их, надо повседневно создавать условия, при которых любому предприятию — промышленному, сельскохозяйственному, транспортному — выгодно изготовлять то, что необходимо сегодня обществу. Иными словами, то, что предусмотрено целевыми установками партии, государственным планом. Если оценивать по результатам, то такой механизм сейчас хорошо функционирует в ГДР, Венгрии, в некоторых других странах, где народное хозяйство развивается устойчиво и гармонично, с минимумом упущенных возможностей.

«Мы знаем, например, — говорил на XXVI съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев, — как умело налажена работа сельскохозяйственных кооперативов и предприятий в Венгрии, какой ценный опыт рационализации производства, экономии энергии, сырья и материалов имеется в ГДР. Немало интересного и ценного в системе социального обеспечения в Чехословакии. В Болгарии и ряде других европейских стран социализма найдены полезные формы агропромышленной кооперации».

Этот опыт изучается. Конечно, не все то, что дает эффект в одной стране, можно механически переносить на почву другой: различны масштабы экономики, ее структура и характер. Но полезное не оставляется без внимания — это общее, неопределимое достояние социалистического содружества. И не случайно на XXVI съезде КПСС говорилось о целесообразности обсуждения руководителями братских стран всего многообразия проблем дальнейшего согласованного развития всей экономической политики. «В развитии экономики, культуры, в совершенствовании общественных отношений, социалистической демократии, — говорил Леонид Ильич Брежнев, — буквально во всех областях мировой социализм уверенно идет вперед».

СТРОИТЬ— СТОИТ

Н. НИКОЛАЕВА

времени. Манифесты архитекторов могут быть революционно смелы. Но «Стоит ли строить?» — только так проверяется ценность проектов современниками автора. Ле Корбюзье предложил снести старый Париж. «Новый Париж», каким его увидел признанный мастер, — это город будущего. Однако предложение осталось «на бумаге». Предлагается подумать почему.

ТЕМА

Сейчас идет очень интересный эксперимент в социалистической архитектуре. Это проектирование жилых комплексов объединенными усилиями архитекторов СССР и ГДР. Объединение с первого взгляда кажется едва ли не формальным: готовится не один общий проект, не два одинаковых или похожих, но два совершенно разных проекта для города Горького и города Магдебурга. Это как два варианта решения одной задачи. Условие: комплекс рассчитан на 25 тысяч жителей. Условие работы: все подробности ее, все частные и общие проблемы и мельчайшие детали обсуждаются на совместных встречах-конференциях. В этом и заключается смысл сотрудничества, и специалисты подтверждают, что такая его организация весьма плодотворна. Истина рождается в разговорах по поводу мельчайших деталей работы.

Соглашение о сотрудничестве СССР и ГДР в области архитектуры (жилищно-гражданского строительства) было

Архитектурный проект может быть самым блестящим, но если никто не возьмется его осуществлять, он останется только замыслом. Архитектура только тогда и становится высоким искусством, когда перестает быть «чистым искусством». Архитектура всегда претендует на полное знание современного человека, но только со временем выясняется, насколько это знание справедливо. Тогда начинают говорить о стиле, как правило, в прошедшем

подписано в числе других соглашений в Берлине в 1975 году. Этим соглашением предполагалась и работа по созданию комплекса. Ведущей организацией от СССР утверждена Центральная научно-исследовательская и проектная организация типового и экспериментального проектирования жилища Госгражданстроя (ЦНИИЭП жилища). Руководитель авторского коллектива — действительный член Академии художеств СССР, доктор архитектуры профессор Борис Рафаилович Рубаненко.

Первоначально соглашением предусматривалось только проектирование жилых комплексов. Речи еще не шло об их строительстве. Партнеры решили предложить строительство комплексов и были поддержаны правительствами сотрудничающих стран. Реальные города: Горький и Магдебург, — каждый со своей «реальностью», потребовали от проектировщиков большой ответственности. Условие задачи дополнилось массой деталей.

ЧТО ТАКОЕ ЭКСПЕРИМЕНТ В АРХИТЕКТУРЕ!

Основное требование к эксперименту — это не переменное улучшение качества, чему должны служить непременно все нововведения. Эксперимент — важный момент в развитии каждого дела. В архитектуре это необходимость сделать шаг вперед и отказаться от устаревших взглядов на то, что человеку нравится. В конце концов, это желание изменить взгляд на самого человека. Поскольку от этого взгляда сам человек зависит, работа предлагается ему как эксперимент, который он вправе критиковать. Эксперименты позволяют говорить о будущем и его планировать. Потому так перспективны совместные эксперименты, дающие одновременно два и больше результатов решения одной задачи.

Есть ли примеры неудачных экспериментов? Да. Есть даже примеры того, как безусловно положительное отвергалось людьми. Например, совмещенные санитарные узлы в квартирах не нравятся почти никому, хотя они дают увеличение жилой площади.

В экспериментальных жилых комплексах Горького и Магдебурга людям должно быть хорошо жить. Но что это значит «хорошо, удобно»? Это знает специалист.

Архитектор, комментарий которого мы приводим, — кандидат архитектуры Владимир Васильевич Кутузов. Он руководит научно-исследовательской частью эксперимента (с советской стороны) и является заместителем руководителя темы.

ОПЫТ

Опыт, предшествовавший работе над жилыми комплексами, — строительство микрорайонов. Сначала их строили на свободных территориях, на периферии городов. Там, на окраине, жизнь предлагала проектировщику больше всего проблем. Проблема — обслуживание: магазины, детские сады, школы, которые остались в центре. Проблема — культурное обслуживание. (Один патриот, житель новостройки, заявил прохожим, указывая на пустырь: «Здесь будет самый лучший театр города!» Рядом с его домом не было еще кинотеатра.) Проблема — сам облик микрорайона, вызывающий с о в р е м е н е м много нареканий.

Архитектор. В шестидесятые годы, когда мы начали строить на периферии, многое было вынужденным. Вынужденным было применение стереотипных домов. В условиях, когда у нас только налаживалось крупнопанельное домостроение, а нужно было как можно больше жилья, как можно скорее, наши заводы выпускали всего один тип дома — четырехсекционный. От проектировщика требовалось лишь расставить эти одинаковые кубики-дома. Заслуживают ли теперь они пренебрежения? Ведь эти дома были заселены, когда жилищная проблема была очень остра. Даже центров обслуживания строили мало или не строили вообще — строили жилье. Лишь в начале семидесятых годов стали больше заниматься центрами микрорайонов, но, как ни странно, стали делать их уже по-другому...

А в пятидесятые годы, если вспомнить, была распространена так называемая квартальная застройка, когда городской квартал решался как бы единым замыслом, проектировался как один большой дом. И такой большой проект позволял разнообразить застройку. В квартале появлялись дома разной этажности. Непохожесть, интересный, индивидуальный облик квартала — это достоинство квартальной застройки. А в микрорайоне действительно прогрессивно было вот что — кооперирование предприятий обслуживания, создание центров. Наше проектирование заявлено как работа над «следующим этапом жилищного строительства».

Корреспондент. Можно ли хотя бы несколько слов сказать о современном стиле? К какому эффекту стремятся архитекторы? Каким должен быть, по вашему мнению, облик современного города?

Архитектор. Как правило, стиль в архитектуре определяют после того, как он обретает черты законченности. Это касается и современности. Индустриальное жилищное строительство в разных странах довольно похоже. Кстати, индустриализация вошла в жизнь еще до того, как мы стали применять индустриальное жилищное строительство. Но это не единственная черта современного стиля. Наши архитекторы всегда стремились найти свой особый стиль советской архитектуры. На этом пути были и успехи и ошибки. Сейчас вряд ли можно утверждать, что стиль современной советской архитектуры уже окончательно сложился. Он — в стадии формирования. Но о формировании нового стиля можно говорить вполне ответственно.

Несколько слов об опыте наших коллег из ГДР. У них много общего с нами, но есть и свои особенности. И это бросается в глаза сразу.

...Я был в Берлине в сорок шестом году, потом — в пятьдесят девятом. Тогда многое еще не было восстановлено, вечером город пустовал. Центр мертвый. Когда я увидел такой Берлин, мне стало тяжело...

...Я опять приехал, по делам нашего сотрудничества, в семьдесят шестом году.

То, что я увидел, меня п о т р я с л о.

Комплекс Лейпцигерштрассе. Это большой проект застройки крупной городской магистрали, которая проходит вдоль границы с Западным Берлином. Проект выполнен на таком высоком уровне, строительство проведено с таким качеством! Вас не покидает праздничное, фестивальное ощущение.

Корреспондент. Вы — архитектор. Скажите, как это сделано?

Архитектор. Эффект достигается в значительной степени за счет цвета. Голубой. Оранжевый. С преобладанием белого. Представьте вкрапления голубого, цвета неба, на белом. Красный — довольно деликатно: темно-красный в отделке общественных зданий. Даже где-то черный цвет. И такое колористическое решение при условии, повторяю, высокого качества исполнения, высокого вкуса и профессионализма проектировщиков и строителей создает особенную, радостную атмосферу. И центр Берлина так же решен. Фестивальный, светлый, необыкновенно радостный, веселый, оптимистически настроенный город я встречаю в Берлине. И это настроение создается чисто архитектурными средствами. Все сооружения в центре Берлина основательны (чего стоит одна телебашня, могучая вещь), но легки, как павильоны.

Корреспондент. А у нас?

Архитектор. Праздничность площади Александерплац не та, что праздничность нашей Красной площади... У праздника много оттенков.

Корреспондент. Мне кажется, что, служа человеку, архитектура может его и воспитывать. Архитектура диктует, в самом лучшем смысле слова, человеку образ его жизни, стиль жизни. Следовательно, архитектура современного социалистического города, праздничность, о которой вы говорите, — это не украшение, не оформление нашей жизни, а ее существо.

Архитектор. Совершенно верно. И в этом мы многому научились друг у друга. Не будем считать частные заим-

ствования. Главное — взаимообогащение, которое происходило во время наших встреч, уроки профессиональные и творческие, сам стиль сотрудничества...

ПРОЕКТЫ

Если эксперимент удастся и человек, горьковчанин и магдебуржец, его одобрит (а кроме того, окажется, что комплекс оправдывает себя и в глазах специалистов), то комплекс перестанет быть просто новостью в архитектуре. Это, повторим мы, судьба всякого удачного эксперимента. Комплекс как бы станет прототипом для будущего строительства, но это ничего общего не имеет с типовым проектом. Точно таких же комплексов, надо надеяться, не появится нигде. Он — еще одно важное условие задачи — должен научить строить ново, разнообразно, интересно, неповторимо. Но обязательно — в случае успеха — должны быть построены подобные по сложности, по тщательности (разработки проекта и его исполнения), по качеству (разработки проекта и его исполнения).

Что касается главного оппонента, новосела, то ему не нужно знать, как «конструкция трехслойных наружных стен из керамзитобетона с эффективным утеплителем обеспечивает повышенное сопротивление теплопередаче и, следовательно, экономию тепла». Ему важно, чтобы было тепло, и все тут. Тогда он кошку пустит на порог...

— Кстати, почему именно горьковчанин?

Архитектор. При определении города для осуществления эксперимента выбор пал на Горький — древний русский город, город со славными революционными традициями, один из крупнейших промышленных центров России. Сказать по правде, большую роль сыграло конкретное место, которое предложил город для размещения строительной площадки. Я как раз принимал участие в выборе. Красивейшее место! Рядом со «стрелкой», местом слияния Оки и Волги. Простор огромный, дали неоглядные. Кремль на холме. Но!

Красивейшее место, о котором говорил архитектор, не было свободно: не надо представлять себе картинную неоглядность и стриженный для киносъемок луг. Взгляд споткнется на сараях и «складских помещениях», через всю красоту пролегли железнодорожные пути. Но «много мы не наломаем», как сказал архитектор.

Земля эта пойменная, затопляемая. Чтобы строить, надо «намыwać» грунт. Это еще один пример исключительной трудности освоения площади. Трудность, как вы понимаете, неизбежная — в городах все меньше свободных территорий, особенно в крупных. Итак, прежде чем строить, предстоит подготовить место для строительства — намыwać 10 миллионов кубометров грунта, местами на высоту 6—8 метров; вывести «промышленные объекты» и пути железной дороги с территории и одновременно уже начать строить дороги для стройки. Чтобы стройка не «завязла», не застопорилась, стартовал.

Все эти и другие трудности заставили проектировщиков быть прежде всего исследователями. На первом этапе работы должно было пройти так называемое зондажное проектирование, которое определяет основные направления дальнейшего поиска. Второй этап — вариантное проектирование. В ходе зондажного проектирования было подготовлено одиннадцать вполне законченных проектных предложений. Их анализ показал, к примеру, что транспортных магистралей для обслуживания населения предлагается недостаточно. Вариантное проектирование дало в результате уже три предложения архитектурно-планировочного решения комплекса. Все три варианта предлагали амфитеатральное построение комплекса, с раскрытием его в сторону Мещерского озера (а не в сторону Волги, потому что со стороны Волги дуют сильные ветры). Все три варианта содержали «более крупное решение волжского фасада».

Все три варианта рассматривались специалистами Госгражданстроя, сотрудниками Горьковского горисполкома и архитекторами ГДР, партнерами по сотрудничеству (как и, наоборот, варианты решения комплекса в Магдебурге рассматривали и советские архитекторы).

Архитектор. Мы проектируем дома сложной конфигурации, ступенчатую структуру застройки специально, чтобы продемонстрировать возможности новой системы проектирования. У нас будет интересно решена набережная, бульвар.

Корреспондент. Бульвар-променад?

Архитектор. Променад обычно устраивают вдоль реки. К Волге у нас выходит Магдебургский бульвар, но «променад», бульвар для гулянья народа, у нас пройдет там, где самая освещенная часть, отделяющая центр от жилых домов. Мы вынуждены идти на большую, чем обычно, этажность — десять с половиной этажей в среднем.

Как видно, проект рождался под влиянием «вынужденного» и «желаемого». (Так в легчайших балетных пуантах есть немного пробки для устойчивости.) Волжский размах и даль неоглядная «вынуждали» (диктовали, и любое другое слово в хорошем смысле) архитекторов искать созвучный размаху стиль проекта.

Проект утвержден. В нем 7400 квартир! Культурный, спортивный и торговый центры, поликлиника, административно-хозяйственное здание и АТС. В культурном центре, кроме всего прочего (необходимого), кегельбан, сауна, кафе. В торговом центре: универсам, ресторан, закусочная, кулинария, Дом быта, сберкасса, «Книги» и «Цветы».

Это перечисление делать одно удовольствие. Еще чудеснее все это обойти и вернуться домой и там жить.

Человек ждет улучшений: он на улучшения имеет право. И дом его должен стать лучше, и стол. К тому и идет жизнь. Но никогда лучшее не станет легким, и людям, которые экспериментируют ради улучшения условий жизни рядового человека, со временем требуется все больше труда, все больше усилий. И людей таких требуется все больше. Никуда от этого не денешься.

Горький и Магдебург тому подтверждение.

Корреспондент. Правда ли, что проект для Магдебурга «поскромнее»?

Архитектор. Мы проектируем для города с населением в миллион. Магдебург чуть больше Мытищ. Не смейтесь. Мытищи, по нашей терминологии, уже «большой город». Но это не облегчило задачу нашим коллегам. Мы не видели на наших обсуждениях у партнеров «шикарных» макетов, гигантских панорам. Если это считать скромностью — да. Но, зная моих коллег, их умение доводить до конца проект, я уверен, что исполнение проекта будет их удачей. Неброскость подачи — это всего лишь манера. Престиж архитекторов ГДР высок. Я увидел в их проекте пешеходную улицу, видел осуществленными такие улицы во многих городах ГДР и представляю себе, как это будет сделано. Так что есть чему поучиться. Мы, с нашим большим опытом, привычные к большому размаху строительства, должны учиться все фрагменты и отдельные мелкие детали в городах решать к р а с и в о. Кстати, давно пора закрыть наш Арбат для транспорта. В ГДР на таких улицах ставят торшеры.

Корреспондент. Насколько актуальна проблема жилого комплекса в ГДР?

Архитектор. Мало сказать актуальна — очень актуальна. Она имеет свои особенности. Желание сотрудничать было взаимным — задача общей, но программа работы у каждой стороны имела свои особенности. Магдебург обязывал архитекторов внимательнее, деликатнее отнестись к вмешательству нового строительства в старый, сложившийся город. В результате, например, они должны были применять дома меньшей этажности.

Что ждет участников сотрудничества в будущем? Возможно, что согласованная организациями обеих стран научно-техническая политика в жилищном строительстве позволит перейти от обмена опытом (как это было и есть теперь) к кооперированию исследований на основе разделения труда. В работу должны будут включиться строители, и обмен опытом продолжится в их труде. Строительство непременно будет экспериментальным — эксперимент продлится. Интересно проследить его до конца, когда ключи будут вручены, проекты выставлены в музее, кошка пущена на порог.

Я обнимаю мешок с мукой. Это называется «сам-на-сам» — значит, мешок нужно брать самому. Обнимаю крепко и неправильно. Я чувствую. Он вот-вот вырвется, и за ним придется нагибаться, а это уже маленькая личная неприятность: разогнуться с пятьюдесятью килограммами в руках. И мне эта легкость, с которой укладывают мешки на поддоны Антон Бургазли, Заур Пушко, Володя Понькин, да в общем-то все шесть докеров, с которыми мы работаем в трюме, кажется ненатуральной. Я подсматриваю за ними: вот Антон как бы мешкает у мешка и, прежде чем взять, секунду-две смотрит на него — думает. Несколько минут — и они вдвоем с Зауром набрасывают на поддон 30 мешков (полторы тонны) — и никакого обмана.

— Машиной управлять, — учит меня Понькин, — цирковые звери смогут, а вот мешок взять так, чтобы от одного не устать (их за смену на каждого может выпасть до шестисот штук) и чтобы дело не стояло — тут голова нужна и опыт. А без этого ни работы, ни рекордов тем более. — И Понькин уходит к своим мешкам.

...В Варненском порту был установлен рекорд. 37-я молодежная бригада Митки Генчева погрузила на судно 301 тонну мочевины при норме 146. В этот день в 37-й бригаде вместе с болгарскими работниками докеры из Одесского порта: группкомсорг 208-й бригады Володя Понькин и молодой докер Вадим Берников. Поэтому рекорд считается общим.

Рекорд, как всякая победа, родился неспроста, он, как говорится, вобрал в себя опыт предыдущих побед и предыдущего опыта докеров двух портов, опыта работы и взаимоотношений. А теперь он сам предыдущий для опыта новых рекордов.

В принципе всякий новый человек в бригаде скорее помеха, чем подмога, — так слаженна бригада. Новичок оттягивает на себя массу дорогого времени и внимания (советы, помощь и т. п.). Я это понял, только когда поработал. Одевали меня всей бригадой, по частям: искали штаны, куртку, сапоги, фуфайку («начнем работать — снимешь»), каску.

Я пошел за Николаем Тымунем в диспетчерскую. Хороший бригадир первым получит наряды, побеспокоится о технике, о том, чтобы подали вагоны. Тымунь, следовательно, хороший бригадир. В семь часов он уже в диспетчерской, а его ребята получают автопогрузчики, готовят вагоны, трюмы. Тымунь видит и «чувствует» предстоящую работу. Он дает себе время сосредоточиться — и берется за нее. У Тымуня-бригадира в работе привычки докера. (Ну а у его бригады, как и должно быть, привычки Тымуня.)

ИСПОЛНЕНИЕ ОБЕЩАНИЯ

Михаил БЕРГЕР,
Геннадий МАЛАХОВ (фото),
наши специальные корреспонденты

Дружба между докерами Варны и Одессы началась давно, когда некоторые докеры из бригады Тымуня учились в школе.

В 1968 году секретарь комитета комсомола Варненского порта Стоян

Димов во время пребывания в дружественном Одесском порту увидел, как работают докеры из бригады Бориса Косаренко.

— Не хотите потягаться с ребятами Петра Шекова? — спросил Димов.

Л. Задорожного, В. Крахмалюка. Обсуждали дела, отдыхали, знакомились ближе, присматривались. Тогда же был подписан договор о соревновании между докерами обоих портов.

Если на берегу для меня давно названия неотделимы от предметов: часы, окно, гвоздь — и не требуют дополнительного объяснения (часы — прибор для определения времени суток), то на судне я постепенно узнаю, что, например, бимсы — это съемные ребра жесткости, вставляемые в трюмный просвет. Знание профессиональных терминов — тоже рабочий инструмент. Я им не владею. Я на бимс подумал — шпангоут, к общему смеху. (Можно ли сказать: «строен, как шпангоут»?)

...Мука из трюма попадает прямо в железнодорожные вагоны. Это называется — прямой вариант работы. В трюме шесть человек плюс я — то ли зритель-помощник, то ли докернаблюдатель. Высоко над нами на палубе — «отводной». Официально он называется сигнальщик. (Но говорить так, как вы понимаете, нельзя.) Отводной показывает крановщику, в каком

направлении двигать полторы тонны мешков, чтобы не уронить и никого не зацепить. На берегу, на рампе (возвышение для загрузки вагонов) пять человек поддоны принимают и развозят на погрузчиках в вагоны. Удивительно смотреть, как автопогрузчик аккуратно снимает вилами с поддона стопочку из 15 мешков, приподнимает, везет в вагон и так же аккуратно спихивает специальным рычагом. Крановщика зовут Степан Погрещак.

Загруженный трюм напоминает добротную булыжную мостовую: лежат мешки плотно, один к одному — не сдвинуть.

В 1976 году в обоих портах создаются клубы интернациональной дружбы с общим советом.

Комсомольцы обменялись девизами: «Родине — высокоэффективную, качественную обработку флота!» (Одесса) и «Народнохозяйственным грузам — высокую эффективность использования всех транспортных средств» (Варна).

У братских стран много общих праздников. Вот и решили докеры Одессы и Варны в честь знаменательных событий: 60-летия Октября, 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, XII съезда БКП и XXVI съезда КПСС — встать на совместные трудовые вахты.

Когда в Одесском порту стал под загрузку «Николай Клочков», комсомольцы обработали его досрочно. Судно полностью загружалось подарками для Вьетнама. По примеру одеситов молодые докеры Варненского порта обработали судно «Васил Априлов», отправляющееся во Вьетнам.

Попробуем опять сначала. Самое трудное — ухватиться за мешок. Пальцами тормозишь угол мешка — делаешь что-то вроде кармана, потом слегка ворочаешь мешок и за эти «карманы» — на себя. От этой процедуры устают подушечки пальцев. Через два часа работы ощущение такое, будто целый день учился играть на гитаре.

— Почему, — говорю, — мешки делают без дверных ручек, как было бы удобно.

— Есть ручки, — говорит Пушко.

Я, конечно, понимаю, что над новобранцами принято подшучивать, но все-таки...

— Смотри, — Заур достал из кармана конусовидную ручку с косыми зубринами на конце. — Этой «лапкой» очень удобно брать мешки. Грубую мешковину тягаем только так.

Некоторые мешки, несмотря на всю осторожность обращения, рвутся. Тогда кто-нибудь достает большую иглу (их недавно раздал каждому Тымунь, и теперь время не уходит на поиск единственной, неизвестно у кого затерявшейся), вытянутую из капронового стропа нить и зашивает мешок.

Предложение было принято, и эти две бригады начали интернациональное соревнование.

А в 1973 году теплоход «Абхазия» привез в Варненский порт одесских докеров: Б. Косаренко, Н. Тымуня,

Смотрю на отводного. В просвет из трюма видна его голова и правая рука, которой он делает мягкие движения, будто не глядя, что-то нащупывает у себя справа над головой. Это команды крановщику. Вот и вся его работа. Завидное место.

— Ты что? — удивляется Понькин. — Самое тяжелое дело. Он же за все отвечает. На отводе всегда стоят самые опытные.

Степан — виртуоз. Он так владеет краном, как владеют собой гимнасты и мужественные покорители блестящих вершин. И Степан так же владеет краном. Он мог бы тоже чудеса творить, но техникой безопасности чудеса не предусмотрены, и потому то, что делает с краном Степан, — простая виртуозная работа.

У Степана, наверное, отличный слух. Если к нему негромко обратиться из трюма, он услышит.

— На кране работать хорошо, но одиноко, — замечает Понькин. — И нервы надо иметь железные, и настроение. Знаешь, если крановщик не настроен на работу или рассеян, или раздражен хоть слегка, а это видно сразу по тому, как двигается груз, — его надо менять. У нас Тымунь может на кране, Саша Кушнир, но они Степану далеко не ровня, я хотел сказать, что Степан лучше всех.

В августе прошлого года к Тымуню среди ночи пришли гости. Это были Йордан Бурназов и Йордан Димитров, докеры из 37-й бригады.

Они возвращались домой из Москвы, где смотрели Олимпийские игры. Дорожная пауза была невелика — всего несколько часов, и они не могли не зайти к старому другу, несмотря на поздний час. Среди прочих разговоров («как семья?», «как Олимпиада?», «как сам?») Бурназов рассказал, что, составляя «обещание» (обязательство — болг.) на 1980 год, договорились между собой каждую встречу соревнующихся бригад отмечать рекордом. Кто-то сказал сначала вроде бы в шутку, однако идея понравилась. Решили попробовать.

Обед в бригаде Тымуня наступает внезапно. Это происходит оттого, что никто за пятнадцать-двадцать минут до двенадцати не заканчивает работу и не бежит в столовку. Все и ровно в двенадцать идут есть. Кто берет «комплекс», кто идет в буфет. Понькин, знаю, бежит на обед домой. Он живет прямо у ворот порта, в доме, кстати, где, как говорят, жил А. М. Горький.

Приехали в Варну. Первое, о чем попросили Берникова и Понькина, — показать руки. Делегаты от Одессы выставили вперед твердые, как пятки, ладони. Ребята из 37-й бригады посмотрели, покачали головами и сказали неожиданное:

— Недавно докеры?

— Почему? Не первый год работаем...

Бурназов показал им плотные застарелые мозоли на внутренних сторонах предплечья:

— Так у всех наших. Как же вы мешки берете, что, у вас здесь нет мозолей?

Попытались вместе разобраться, что к чему. Оказывается, большинство грузов идет здесь в полиэтиленовых мешках. В них «карман» не сделаешь и «лапкой» не зацепишь. Вот и берут их в обхват и на руки, как младенцев.

...Работаем — разговариваем. Это не мешает. Рядом со мной — Володя Понькин. Он все пытается научить меня брать мешок не «животом», а спиной. Между делом рассказывает мне, сколько хлопот доставляет мурада (подпалубное пространство в трюме, из которого очень неудобно подавать грузы на кран). Потом переключается на старую Одессу, как мешки выносили «на козах» из трюма, а у трапа стоял приказчик и давал за мешок по пятаку. У ворот спали амбалы, а на ногах у них было написано, сколько платить за наем, а у иных: «Меньше 10 рублей — не будить!» Все это Володя где-то вычитал и знание усвоил.

Понькина иногда называют Музыкант. Как выяснилось, он действительно играет на кларнете, трубе и гитаре. Прозвище пристало после конкурса художественной самодеятельности. Жюри смотрело на Понькина с нескрываемым недоверием: докер исполнял классику, да еще на гитаре. Думали, «подстава».

Первоклассный докер умеет все. Это 6—7 профессий, такие, скажем, как управление порталным краном. Музыка здесь ни при чем. Но если докер к своим семи ремеслам добавляет личное хобби — он этим украшает профессию.

Итак, смена в 37-й бригаде. Надо было показать все, на что способны. «А то смех на всю Варну», как сказал Володя.

Бригада Генчева «работала мочевиной» из вагонов на судно. Все в перчатках и брезентовых нарукавниках — из-за жестких полиэтиленовых мешков. Володе и Вадиму поначалу пришлось приноравливаться, приглядываться, как поудобнее ухватить этот неуклюжий груз.

У болгарских вагонов важное удобство: четыре двери и вдвое меньший объем. Выносить мешки — одно удовольствие. Но Понькин тут же напомнил Вадиму школьное: «То, что мы выигрываем в силе, мы проигрываем в расстоянии». В расстоянии проигрывают здесь здорово. Из-за габаритов вагонов составы вытягиваются настолько, что от вагона до трюма груз надо везти на тракторной тележке, что исключает прямой вариант «вагон — трюм», и докерам приходится

делать лишние перевалки: выгружать из вагонов на парашюты (квадратные площадки на тележке), а затем уже перегружать на судно.

Бригада Тымуня, как и большинство бригад докеров-механизаторов порта, универсальна. Она может производить любые операции в любом варианте. Но чаще всего 208-я имеет дело с выгрузкой товаров народного потребления. И докеры Тымуня в курсе многих внешних экономических связей страны. Кроме того, они по собственному опыту могут сказать, в каком порту мира докеры работают добросовестно, а в каком — не очень, какая фирма добротнее упаковывает товар, а какая — лишь бы отправить.

Докерам 208-й приходится иметь дело чуть не со всеми флагами мира.

— Как же вы объясняетесь?

— У нас Берников английский хорошо знает. Специально на вечерних курсах учился.

— А что собираешься потом делать, для чего язык учил?

— Как для чего? Чтоб знать.

...Тракторные тележки тоже неплохо. Только сложность в том, что ни трактористы, ни крановщик, короче — ни один механизатор не имеет к бригаде докеров отношения. У них свое централизованное руководство, свои темпы и резоны в работе. Тут-то особенно почувствовалось преимущество комплексных бригад. Ни Володя, ни Вадим в силу относительной краткости своих стажей (4 и 6 лет) других форм организации работы в Одесском порту не застали. В Варне пока еще только планируется переход к комплексным. Поэтому болгарские докеры с пристрастным интересом расспрашивали обо всех деталях работы комплексных бригад.

В конце смены над трюмом появилось лицо Тымуня.

— Слабо работаете, — сказал он трюмной команде. — Медленно.

Пытаемся оправдаться. Бесполезно.

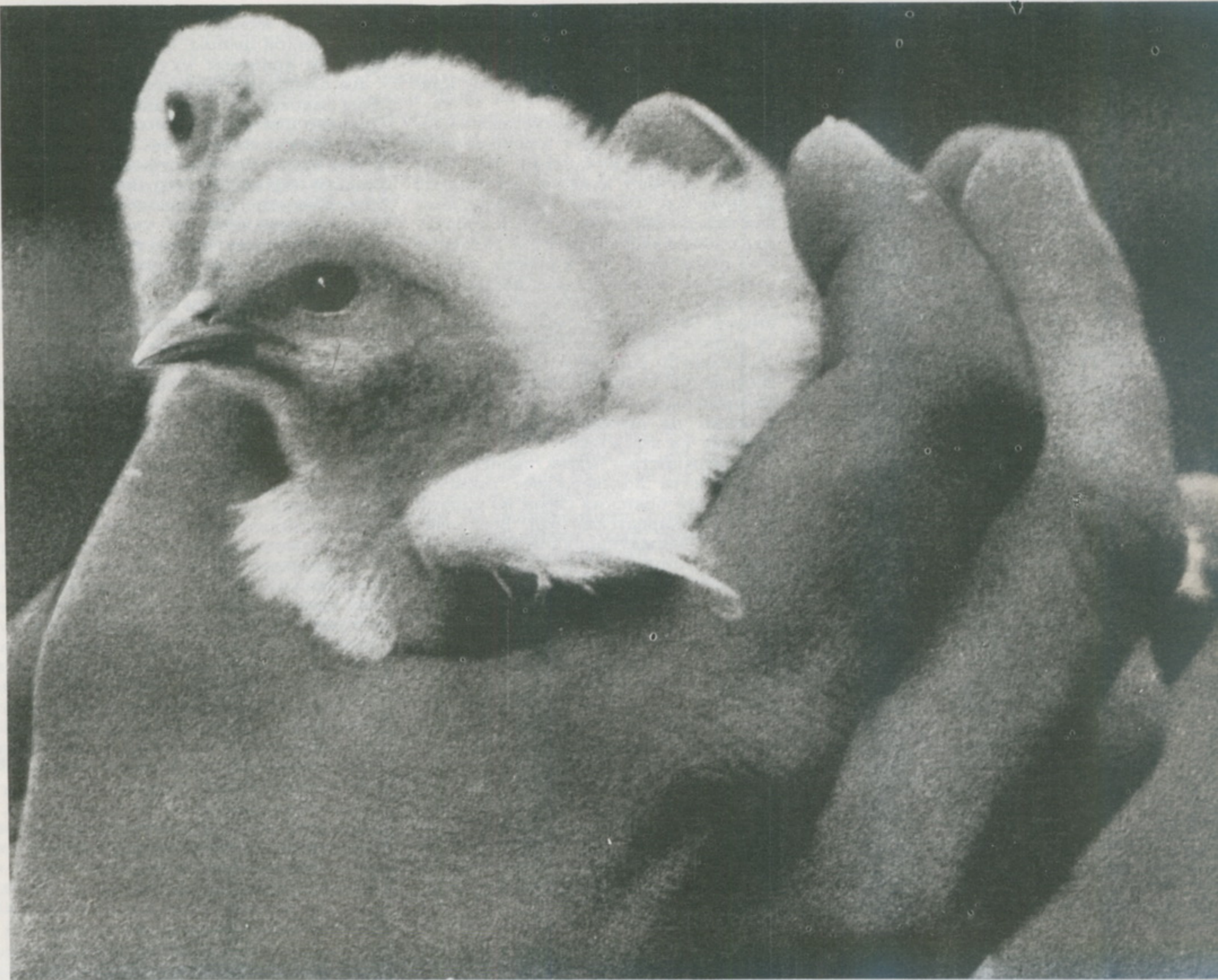
— Долго цепляете подъем. Скучно смотреть, как кран клюв в трюм опустит и стоит, стоит...

Тымунь недоволен — он ведь работу чувствует, как чувствует кран Степан, как бригада понимает работу всего порта. Никогда, даже в дни рекордов, бригадир не станет расхваливать своих докеров, потому что он яснее всех видит возможности общей работы, ее перспективу и запас рекордного взлета. Он недоволен — от лично!

Темп в 37-й высокий. Все помнят об обещании: встреча — рекорд! Володе и Вадиму приходится нелегко. Они — участники исполнения этого обещания. Какая-то часть рекорда и в их руках.

К концу дня хозяева взяли свои слова обратно: «Конечно же, вы настоящие докеры, классные, опытные».

на стр. 15 ►

ЧТОБЫ СОХРАНИТЬ САМИХ СЕБЯ...

Н. НЕПОМНЯЩИ

Впервые в жизни я пришел в зоопарк без билета и не смотрел по сторонам: я готовился к разговору в дирекции. А не так уж и давно каждое воскресенье вместе с другом мы часами простаивали у клеток с попугаями: может, обронит какая-нибудь птица перо для нашей коллекции. Или с неутолимим интересом смотрели на хищников в вольере и ловили их отсутствующие грустные взгляды. Им-

то было неинтересно: вокруг вместо безоглядных степей, непроходимых джунглей или лесов — бетонные коробки домов, рев машин...

А в 1864 году, когда Русское общество акклиматизации животных и растений основало Московский зоопарк, Пресненские пруды для него вполне подходили. Идеальное место для единения человека с природой. Потому что здесь почти ничего, кроме природы, не было. Но кто тогда, более

ста лет назад, думал о будущем? Кто прислушивался к словам, что даже целое общество, нация, взятые вместе, не являются собственниками земли. Они лишь ее временные владельцы и должны оставить ее последующим поколениям улучшенной. Слова эти принадлежат Карлу Марксу и актуальны сегодня более чем когда-либо.

Несколько запоздало, но сейчас человечество осознало, что оказалось не

столько могущественным властелином природы, сколько ее потребителем. Не очень дальновидным и отнюдь не благодарным. А главное — не способным изменять себя в соответствии с теми изменениями, которые само вносит в окружающий мир. О необходимости практических выводов из такого положения вещей первыми во весь голос заговорили в нашем, социалистическом обществе.

Тревога о судьбе природы, охватившая сегодня все прогрессивные силы мира, вполне обоснованна. «Нарушая экологическое равновесие и непоправимо сокращая жизнеобеспечивающую емкость планеты, человек таким путем может в конце концов сам расправиться со своим собственным видом не хуже любой атомной бомбы», — считает итальянский ученый Аурелио Печчеи.

— **Что же делать? Можно ли научиться хозяйствовать так, чтобы сохранить природу Земли? — с этим вопросом мы обратились к доктору биологических наук, заместителю директора НИИ охраны природы и заповедного дела Ю. П. ЯЗАНУ.**

— Прежде всего надо научиться смотреть на природу как на единое целое, общими усилиями решать проблемы рационального использования ресурсов. Поэтому недавно в ООН и была принята важная инициатива Советского государства, внесшего на XXXV сессии Генеральной Ассамблеи ООН предложение «Об исторической ответственности государств за сохранение природы Земли для нынешнего и будущего поколений».

Примером сотрудничества для всего человечества в области охраны природы могут быть отношения между социалистическими странами. Мы коллективно учимся опыту, делимся своим, и уже не одно десятилетие...

Научно-техническое сотрудничество осуществляется на основе многосторонних и двусторонних соглашений. Еще в 1974 году в рамках СЭВ был разработан так называемый международный научно-технический прогноз, в котором определены основные направления работ в области охраны окружающей среды.

Не так давно наступил новый этап в этом важном деле. Комитет СЭВ по научно-техническому сотрудничеству разработал развернутую программу совместной работы для стран — членов СЭВ и СФРЮ. Что в нее входит? Различные общетеоретические, поисковые исследования, правовые аспекты охраны окружающей среды, разработка путей экологического обезвреживания технологических процессов, бытовых отходов и т. п., изучение способов борьбы с шумом и вибрацией, радиоактивной опасностью, планировка городов и пригородных зон с учетом современных экологических требований и многое другое.

— **Не могли бы вы рассказать о конкретных формах сотрудничества**

с социалистическими странами, поддерживаемого нашими природоохранительными организациями?

— Конечно. Вот несколько примеров.

Совместно со специалистами из социалистических стран, в особенности с венгерскими коллегами, мы тщательно изучаем влияние пестицидов на природу. Создана координационная программа решения этой проблемы, причем наш институт — головной в ее разработке. Вы, конечно, знаете, что несомненная польза пестицидов сочетается с их вредоносными свойствами. Вот и решили мы с коллегами из социалистических стран наладить тщательный контроль за действием пестицидов, отбирать такие вещества, которые выполняли бы свое предназначение, не оказывая вредоносного влияния на все живое.

Возможности и эффективность сотрудничества подтверждает совместная работа братских стран по охране природы Карпатских гор. Все началось с I Международной конференции по флоре и фауне Карпат, которая состоялась в 1960 году во Львове. В ней участвовали специалисты из Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР и Чехословакии.

Карпаты — уникальное явление. В центре урбанизированной Европы сохранился настоящий заповедник дикой природы. По видовому составу флоры и фауны он не имеет себе равных. Есть здесь белка, заяц, глухарь, рысь, олень, кабан. В карпатских горах расположены многие заповедники — Бабьягурский и Пениньский на территории Польши, Татранский — в ПНР и Чехословакии, Агтелек — в Венгрии, Ретезат — в Румынии, Карпатский — на территории СССР. Общая их сегодняшняя черта — на месте дубовых и буковых лесов во многих местах раскинулись хозяйственные угодья. В последние столетия в лесах Карпат произошли заметные экологические изменения: снижается верхняя граница леса, на крутых склонах часто возникают вредоносные эрозийные процессы, ухудшается состав почв.

От совместных природоохранительных мероприятий выиграют не только Карпаты, но народное хозяйство в целом каждой страны. Для лесоводов СССР, например, представляет интерес сообщество черной сосны, растущей в Румынских Карпатах. У нас этот ценный вид крайне редок, и сейчас ботаники двух стран изучают возможности реакклиматизации дерева в Советском Союзе.

Для геоботаников всех стран огромную важность имеет тисс в Германецкой долине и в Великих Татрах в Словакии, тиссовая роща в Румынии в Семигородских горах, у истоков реки Марош. Тиссовые леса — редкость. Сохранить их хотят все государства Центральной Европы. Координированная, отлаженная сеть заповедников и резерватов позволяет ученым

этих стран изучать биологию редких видов флоры, фауны, предотвращать процессы ухудшения почв.

Вы слышали о Беловежской пуще? Этот заповедник на границе СССР и Польши считается самым крупным зубропитомником в мире, а ведь даже в 50-е годы этих животных были буквально единицы. Сохранить и добиться успеха в разведении зубров помогло сотрудничество ученых двух стран. Ежегодно проводятся конференции, тщательно ведутся племенные книги животных.

Таким же научным подвигом я считаю спасение лошади Пржевальского. Может быть, вы помните, в 1877 году Н. Пржевальский привез из Джунгарии шкуру дикой лошади. К началу века в Европу удалось доставить лишь трех диких лошадей — то были одни из последних представителей этого вида, уцелевших в природе. По крайней мере, до сих пор проводимые поиски этих животных там, где они когда-то водились в изобилии, оказались напрасными. Недавно достигнута договоренность между зоологами Монголии, СССР и ЧССР о разведении этих благородных животных на территории Гобийского заповедника, одного из самых крупных в мире. Его площадь — 5 миллионов гектаров. Несколько животных, например, будут скоро вывезены из чехословацких зоопарков и выпущены в естественные ареалы. В заповеднике за ними будут тщательно наблюдать советские и монгольские ученые.

Так сотрудничество помогает возвращать природе то, что когда-то было отнято у нее человеком. Однако смысл экологической политики социалистических стран сводится не только к этому. Такая политика не только спасает природу, но и позволяет пользоваться ее милостями в гораздо большей степени.

Скажете, парадокс. В промышленно развитой Чехословакии дичи больше, чем во многих других странах Западной Европы. И это при интенсивном сельском хозяйстве, при высокой плотности населения и относительно небольшой территории, а в мясе дичи множество полезных веществ, которых нет у домашних животных. Или возьмите «проблему зайцев» в Польше. Там на каждые 100 гектаров их приходится по 25 штук. А пара зайцев стоит на мировом рынке 18 долларов. Вот и считайте выгоду.

Но дело, конечно, не только в экономической выгоде. Более глубокий и не менее важный смысл нашего сотрудничества в этой сфере состоит вот в чем: все, что мы делаем, воспитывает нового человека, формирует экологическое мышление.

— **Это уже другой поворот темы разговора. Продолжить его мы попросили В. К. РАХИЛИНА, кандидата географических наук, старшего научного сотрудника Института истории естествознания и техники АН СССР.**

— Я с этим совершенно согласен и

хочу напомнить вам слова Сент-Экзюпери: «Земля помогает нам понять самих себя». И статья лучше. Поэтому пропаганда идей охраны природы нужна и важна не только для природы.

Как много делается для воспитания у молодежи чувства бережного отношения к природе в социалистических странах, коротко рассказать трудно. Ну хотя бы специальные курсы «Охрана природы» — они читаются на всех профильных и многих естественных факультетах вузов. Издаются многомиллионными тиражами журналы и книги для любителей природы, огромные аудитории собирают радио- и телепередачи о природе.

— А как в нашей стране осуществляется экологическое воспитание молодежи?

— У нас уже в школе ребята включаются в систему специальных кружков юннатов и зеленых дружин. Уроки, книги для внеклассного чтения дают множество самой разнообразной информации о жизни животных, птиц, растений, рассказывается о работе биологов, географов, охотоведов. Создаются молодежные научные общества охраны природы. В Ульяновске, например, ученики проводят самостоятельные научные исследования пыльцы растений и связанных с ней аллергических заболеваний. На основе этих исследований создаются новые антиаллергические препараты. Такая работа ведется в техникумах, ПТУ и, конечно, в вузах. Все больше студентов посвящают свои курсовые и дипломные работы экологическим проблемам, в составе дружин помогают в борьбе с браконьерством, в охране заповедных территорий, в наблюдениях за редкими и реликтовыми видами животных и растений.

Но прививать молодым людям любовь к природе необходимо буквально с дошкольного, ясельного возраста. Покормленная в стужу птица, аккуратно подправленная ветка — таковы первые шаги детей в мир природы. Очень многие дети в наше время дверь в этот прекрасный и сложный мир впервые приоткрывают в зоопарке.

Вот так я и оказался в Московском зоопарке, где записал разговор с сотрудницей этого крупнейшего научно-просветительского центра Мариной ПРУТКИНОЙ, ответственной за связи с зарубежными странами.

— Зоопарк глазами его сотрудников... Наверное, во взгляде на него изнутри и кроется та самая истина, которую трудно понять обычному посетителю?

— Коллекция наша достаточно велика и внушительна — около 3000 экземпляров позвоночных животных примерно 700 видов. И доставляются они сюда разными путями. Традиционные наши партнеры — зоопарки Берлина, Праги, Познани, Лейпцига, Вроцлава, Варшавы, Штральзунда. Каких только животных мы оттуда не

получаем! Самка овцебыка и очковые медведи из Берлина, серые утки из Праги, тупайи из Познани, лошади Пржевальского из Лейпцига, коралловые рыбы из Штральзунда...

Постоянные каналы общения с зарубежными коллегами — телефон и обширная переписка. Если у нас заболело какое-нибудь животное, а в книгах не содержится никаких нужных для нас данных, мы садимся на телефон и начинаем обзванивать зоопарки всего мира — SOS! Болен питомец Московского зоопарка! И ни разу нам еще не отказывали в помощи. Как-то раз, чтобы спасти редкого зверя, мы побеспокоили директора Вроцлавского зоопарка — у нашей полосатой гиены началось психическое заболевание. Да, да, не улыбайтесь, бывает и такое...

Но я хотела бы рассказать вам не только о том, что можно увидеть сегодня в Московском зоопарке. Не менее интересным представляется его будущее, в планировании которого широко используется опыт, подсказанный специалистами этого дела из социалистических стран, главным образом, ГДР и Чехословакии.

В чехословацком городе Двур Кралове, например, в 1972 году открылся зоопарк типа «Сафари». Здесь на площади более 100 гектаров, разделенной на островки бетонированными рвами, живут около 50 жирафов, десятки слонов, носорогов, страусов, зебр, буйволов, антилоп. По парку вьется шоссе длиной около десяти километров. Едешь и думаешь, что ты в Африке. Зимой обитателей саванны переводят в теплые ангары. В Двур Кралове около 25 тысяч жителей, однако за год здесь бывает около миллиона туристов. И это не единственный пример.

Новый наш зоопарк, как и в других социалистических странах, расположится на окраине города, которая по генеральному плану развития не будет застроена жилыми домами, бытовыми и промышленными предприятиями. Учитывая опыт пражских коллег, мы заняли местность с пересеченным рельефом, естественными водоемами и зелеными массивами. Решетки, сетки, тесные вольеры уйдут в прошлое и не вернуться никогда. Звери и птицы покажут себя в движении. На одном участке здесь можно будет показывать животных нескольких видов. Кроме пешеходных дорожек, осматривать животных можно из специальных автопоездов. В некоторых помещениях решили отказаться от металлических решеток и сеток. Вольеры с обезьянами будут отгорожены от посетителей стеклянными стенами: эти приматы — очень нежные животные и подвержены всем болезням человека. А ведь посетители чихают и кашляют... На границах смотровых залов и помещений с животными будут установлены преграды из прозрачных материалов. Представляете, как это будет здорово!

К Понькину все время пристают:

— Давай с тобой петь русские песни.

— Как петь? Тут еле языком шевелишь. Работаем ведь.

— А ничего, пой.

...И пели с Музыкантом русские песни бригадир Митко Генчев, да и вся бригада.

Уже к полудню стало ясно: рекорд будет. Смену завершили, погрузив 301 тонну — в два с лишним раза выше нормы! На счету 37-й больше всего рекордов Варненского порта.

Боевое «крещение» состоялось.

После душа, куда меня опять собирали всей бригадой (дали мыло, специально получили лишнее полотенце), я задал банальный вопрос, но без него мне было не обойтись: как делаются рекорды и для чего? Ведь понятно, что рекорд — это взлет, высшее достижение, вдохновение удачи (слишком еще от многого вне бригады зависит успех докеров), и работать так ежедневно, изо дня в день, просто невозможно. Ни один чемпион по тяжелой атлетике не носит с собой столько, сколько может поднять.

Перед самым моим приездом в Одессу 208-я бригада, отвечая 37-й, установила первый в 1981 году рекорд порта. За смену было переработано 330 тонн риса. Более двух норм. Предыдущий рекорд был установлен в марте 1976 года 245-й бригадой — 295 тонн.

Ответил Понькин:

— Недавно по телевизору в «Очевидном — невероятном» показывали: огромный мост и ветер дует. И вдруг эту махину начинает крутить, мотать во все стороны и, наконец, ломает, хотя сила ветра не ураганная. Резонанс. Что-то похожее происходит и у нас. Настрой и усилия каждого из 22 членов бригады совпадают, а это, согласитесь, бывает не всегда, плюс благоприятная ситуация, плюс множество субъективных и объективных соответствий — все это способно превзойти самые «твердые» достижения.

И еще одно. Для чего машине скорость 150 километров в час, если она почти везде ограничена? Для свободы маневра, для выхода из критической ситуации, для спокойной, а не на последнем надрыве работы на нормальных скоростях. Вот и мы определяем эту максимальную нашу возможность для стабильной работы при нормальном напряжении, ну и чтобы знать в случае необходимости, какой может быть наша полная отдача. Думаю, у варненских докеров те же мотивы и причины.

...День, связанный с рассказом, был обычный рабочий, не рекордный, а в помощь рекордным будущим дням. В порту плавкран беседовал с плавкраном и разгружались корабли с товарами, требуемыми народу. Шли грузы пятилетки. И так же было в Варне. Буксир шнырял под носом у настоящих кораблей. Из трюмов выходили докеры. Чья смена?

Одесса

МОДА? МОДА! МОДА...

РАЗМЫШЛЯЕТ ЖУРНАЛИСТ

В театральных институтах есть такое упражнение: студенты на разные лады повторяют одну и ту же фразу с угрозой, равнодушно, презрительно, скептически и так далее. Нечто похожее можно наблюдать в жизни, когда говорят о моде. Столько выплескивается эмоций! Каждый считает себя специалистом в этой области, а позиции чаще всего полярны. «Чем были плохи узкие штаны? — спрашивал Василий Шукшин в одной из статей и сам же ответил: — Да ничем. Ничего особенного в них не было».

Как мода становится модой? Кто ее формирует? Как она распространяется в обществе? Существуют три точки зрения: одни считают, что возникновение моды — дело стихийное и неуправляемое; другие полагают, что мода хотя и стихийный, но все же управляемый процесс, и, наконец, третьи решили для себя, что моду придумывают некие вышестоящие инстанции. Кто прав? Бесспорно пока лишь одно: человека вне моды не существует. Люди, которые считают, что они не обращают внимания на моду, тем не менее, выходя по утрам из дома, все же одеваются в соответствии со своим вкусом, независимо от того, одет ли человек по моде вчерашней или сегодняшней. А кто-то вообще пытается бежать впереди моды. Но согласимся с тем, что старомодному человеку, как, впрочем, и «авангардисту», приходится на людях значительно труднее, потому что одна из важнейших функций моды — облегчение контактов, общения.

Мода — явление сложное, неоднозначное. В ней настолько плотно переплетаются самые разные мотивы — и социальные и психологические, — что по стилю одежды можно определить характер, отношение человека к себе и к окружающим людям. Мода отражает эстетические и культурные вкусы, технические и научные достижения общества. Люди видят в ней один из способов самовыражения, утверждения себя.

Когда-то известная французская законодательница моды Коко Шанель сказала, что только женщина, начисто лишенная вкуса, может одеваться по моде. Вряд ли она призывала всех отказаться от моды вообще. Скорее ее слова — напоминание: мода модой, но не забывайте о своем стиле, особенностях своей внешности, в любой моде сохраняйте свою индивидуальность. И в справедливости ее слов убеждаешься лишний раз, когда видишь человека, единственное увлечение которого — одежда. Теряя чувство меры, он кидается из крайности в крайность, забывая, что моду нужно приспособлять к се-

бе, а не себя к моде. И печальный результат: все усилия такого поклонника моды приводят только к тому, что его одежда — образец безвкусицы.

Но бывает и так. Скажем, художник-модельер долго мучился и наконец-то нашел прекрасный силуэт. Возьмем идеальный вариант, когда журнал моды предлагает новинку, где каждый элемент продуман и со вкусом подобран. Юный ценитель (или ценительница) посмотрел и в соответствии со своими представлениями о моде что-то убавил, что-то прибавил и соорудил свою модель. Получилась карикатура. Можно ли винить такого самодельного модельера? Конечно, нет. Его вкус еще не сложился, а авторитетного консультанта рядом не оказалось.

Можно ли винить за такую карикатуру моду? А если поставить вопрос шире: где рождается мода? На улице? Или в тиши творческих кабинетов?

Видимо, невозможно определить, что первично, а что вторично. Хороший модельер вовремя замечает, что то или иное направление моды начинает людям надоедать. Исследования, проведенные специалистами, показали, что мода в одежде, стихийно развиваясь и постепенно изживая себя, готова одновременно новую моду, удерживается примерно 5—10 лет. Правда, за несколько веков до этого французский философ Рене Декарт писал: «Что нравилось нам десять лет назад и будет, может быть, опять нравиться нам лет через десять, кажется нам теперь нелепым и смешным!» Однако хотя мода и возвращается, но не без определенных изменений, которые вносит время. Повторяется лишь главная идея.

Оригинальная, не повторяющая слепо зарубежные образцы мода, как это ни банально прозвучит, рождается тогда, когда в моделях широко использованы национальные мотивы. Именно тут кладешь открытий, направлений, стилей. Однажды на просмотре в Доме моделей я видел десятки вариаций черкески в женской и мужской одежде. Это выглядело свежо и неожиданно. Далеко не исчерпал себя и русский костюм. Например, как сообщает итальянская печать, четыреста манекенщиц собрались во Флоренции на генеральный просмотр моделей сезона 1981 года, организованный крупнейшими итальянскими Домами моделей. В этом сезоне больше чем когда-либо будет в моде русский стиль: мягкие, теплые ткани, меховая отделка на пальто и жакетах, вышивки с русским орнаментом, с золотой нитью на нарядных платьях, отделанные мехом безрукавки типа душегреек. «Самая элегантная женщина — Анна Каренина», — писала римская «Паэза сера». Попутно заметим,

что у толстовской Анны Карениной любимое платье было из льна.

Сегодня, по мнению многих модельеров, наступил тот момент, когда люди готовы сбросить одежды устаревшего стиля и облачиться в новые. Но ведь мода — явление социальное и от желания отдельного модельера не зависит. Тут требуются совместные усилия Домов моделей, промышленности, торговли.

Мы подошли к главному моменту нашего разговора. Допустим, модельеры точно определили стиль и направление, по которому будет развиваться мода. Она пришлась по вкусу потребителям. Как сделать так, чтобы потребитель имел возможность приобрести модные вещи? Возьмем даже не всех потребителей, а только молодежь. Как изучить запросы столь обширной группы потребителей и удовлетворить эти запросы?

В данном случае ответ один: нужны специализированные фирмы и магазины для молодежи.

Интересный опыт создания таких магазинов имеется в некоторых социалистических странах. В Германской Демократической Республике, например, уже 15 лет существует фирма «Югендмоде». Точнее сказать, не существует, а процветает. И дело поставлено на самую серьезную основу. Есть немало Домов моделей, которые специализируются на проектировании одежды и обуви для молодежи. На специализированных предприятиях шьется эта одежда, тачается обувь. Потому нет, скажем, никаких проблем с джинсами.

И Дома моделей, и предприятия, и изучение спроса, и торговля подчиняются государственной системе производства и продажи товаров для молодежи. В Министерстве легкой промышленности республики создан координационный совет, куда входят представители Союза свободной немецкой молодежи, предприятий, торговли, молодежных клубов моды. Этот совет разрабатывает перспективы молодежной моды, обсуждает, какие возможности для ее реализации есть у промышленности.

Во всем этом нет ничего необычного, кроме разве клубов молодежной моды. Что это такое? На предприятиях, выпускающих товары для молодежи, созданы общественные органы, которые, собственно, и создают молодежную моду. Молодые ребята — производственники, специалисты, модельеры — обсуждают новые модели, прикидывают возможности производства, договариваются со смежными предприятиями. Клубу принадлежит решающее слово в формировании ассортимента.

Эти организационные и экономические меры привели к тому, что сегодня подавляющее большинство молодежи ГДР одето в товары, на которых стоит фирменный знак «Югендмоды». 30 процентов всей производимой в стране одежды рассчитано на молодежь.

Н. АНДРЕЕВ

КОММЕНТИРУЕТ ГЛАВНЫЙ КОНСУЛЬТАНТ ОБЩЕСОЮЗНОГО ДОМА МОДЕЛЕЙ

Можно было бы привести и другие примеры влияния общественности на формирование молодежной моды в социалистических странах. Обмен опытом в этом деле налажен уже давно. Сотрудничество стран СЭВ в области моделирования одежды началось 30 лет назад, постепенно рождались наиболее плодотворные организационные формы. В 1959 году была создана Постоянная рабочая группа по экономическому и научно-техническому сотрудничеству в области швейной промышленности и культуры одежды. С тех пор ежегодно в одной из стран СЭВ проводятся совещания Рабочей группы, на которых обсуждаются не только общие тенденции моды, но и отдельные темы культуры одежды, предварительно разработанные каждой страной. Последнее такое совещание состоялось в ноябре 1980 года в Праге. Особое внимание на нем уделялось одежде для молодежи.

Что же предложили модельеры социалистических стран на встрече в Праге?

В прекрасной коллекции ЧССР была представлена разнообразная по цвету одежда для молодежи. Комплекты состояли из стеганых пальто, курток или жилетов различной длины, юбок, блуз, свитеров, брюк, прекрасно сочетавшихся с толстыми шерстяными гольфами или носками, спортивной обувью и с вязаными шапочками или кепками из того же материала.

В моделях ГДР были использованы новые пленочные материалы для плащей-накидок, полупальто и курток от дождя. Прекрасно выглядели модели из ляке — нового материала типа болоньи с блестящей водоотталкивающей поверхностью. Свободной формы комбинезоны из плотных тканей дополнялись спортивными сумками из тех же тканей, что и одежда. Это создавало единый по стилю ансамбль.

Модельеры Польши на протяжении многих лет работают над фольклорной темой. И на этот раз они представили модели, решенные в фольклорном стиле, где маленькие стеганые жилеты из бархата и вельвета прекрасно сочетались с присборенными юбками и платьями из темной набивной ткани и большими платками и шляпами.

Венгерские коллеги успешно работают над созданием комплектов одежды с взаимозаменяемыми предметами.

Социалистическая Республика Румыния представила серию ансамблей летней одежды, решенных в «морском стиле»: свободные блузы и платья с использованием традиционного для этого стиля сочетания цветов — белого, красного и синего и голубого.

Болгарские модельеры показали разнообразные куртки в комплекте с брюками различной длины и с юбками.

Модели СССР заслужили высокую оценку участников совещания.

Пальто, отделанные мехом, длинные свободные куртки и прямые брюки, полупальто с юбками и платьями и трикотажные комплекты представили разнообразие форм прямого силуэта.

Впервые показывала на таком совещании свою коллекцию Куба. Эта страна имеет свою специфику, связанную с национальными традициями и климатическими условиями. Одобрение участников совещания вызвала коллекция пляжных ансамблей и серия белоснежных комплектов, решенных в стиле «сафари». Радостным карнавальным настроением повеяло от платьев и сарафанов, выполненных в традиционном кубинском стиле и отделанных заплатами, тесьмой, кружевами и оборками.

Предложения модельеров стран — членов СЭВ объединены общими тенденциями, характерными как для молодежной одежды, так для моделей классического, традиционного решения, по которым можно составить характеристику моды.

Можно сказать, что при создании модной одежды все большее распространение находит стиль, подчеркивающий динамичный ритм жизни, присущий нашему времени.

В целом на 1982 год предлагаются два стилиевых решения: классическое (элегантное) с новыми деталями оформления и спортивное, характерное для одежды, предназначенной как для свободного времени, так и для деловой и парадной.

Предпочтение оказывается прямому силуэту, приталенный и трапециевидный силуэты отступают на второй план.

Можно порадовать противников длинных юбок: в будущем году намечается существенное изменение длины. Длина одежды для молодых — выше коленей, для более старших — до коленей. Короче становятся брюки, жакеты, мужские пиджаки. Плечи акцентируются, но без утрирования. Талия часто не фиксируется или фиксируется как сниженная. Нарядная одежда может быть украшена асимметрически расположенными застежками, драпировкой, складками, карманами, бантами, воланами.

Стремление к полному удовлетворению потребности населения каждой из социалистических стран в удобной красивой одежде делает для нас, модельеров, эту трудную работу интересной и увлекательной. Сейчас для нас, советских модельеров, открываются новые перспективы. Как вы знаете, в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» предусмотрен ускоренный рост производства предметов потребления, намечены широкие перспективы выпуска высококачественных товаров, пользующихся повышенным спросом. А это значит, что большое разнообразие тканей, моделей одежды и обуви, предлагаемых предприятиями, будет шире представлено в магазинах.

Г. ГАГАРИНА

смотрите!

Загадывать загадки, когда речь идет о несчастьях и бедах тысяч и тысяч людей, как-то неловко. И все-таки мы хотим предложить нашим читателям ответить на вопрос: в каких странах сделаны публикуемые на этом развороте снимки!

Вопрос этот мы задаем умышленно, чтобы нагляднее подчеркнуть известную истину: лицо буржуазного общества независимо от того, откровенно ли оно провозглашает чело-веконенавистнические принци-пы или скрывается под маской демократии, одинаково омерзительно. Итак, на снимках эпизоды из позорных будней раси-стской ЮАР и ведущей держа-вы «свободного мира» — США. Вот и вся загадка.

Длина Теннесси славится сочными свиными тушами, зажаренными целиком на вертеле, а также огромными ракетами, поднявшими Америку в космос. Она известна еще и тем, что здесь, в Пьюласки, штат Теннесси, в сочельник 1865 года шестеро молодых ветеранов-конфедератов образовали братство, названное ими «ку-клукс-клан».

Пьюласки — городок небольшой, всего семь тысяч жителей. Неподдалеку от городской площади находится одноэтажное кирпичное здание. Раньше тут была контора судьи Томаса Джонса. Сейчас парикмахерская. Слева от входа прикреплена откровенная мемориальная табличка, которая гласит:

«Здесь, в конторе судьи Томаса Джонса, был организован ку-клукс-клан, декабрь 14, 1865...»

Я наблюдаю за деятельностью ККК уже много лет. Иногда он подолгу не дает о себе знать, и люди говорят: клан умер. На самом деле он только притворяется мертвым. До поры до времени клан таится, но он всегда готов к действию.

Несколько лет назад само ФБР во всеуслышание объявило клан умирающим. Но вот в мае позапрошлого года клансмены стреляли в участников демонстрации христиан Юга в городе Декатуре, штат Алабама. Демонстрация проводилась в защиту 26-летнего негра Томми Ап Хайнса, приговоренного по сфабрикованному обвинению к 30 годам тюремного заключения. В ноябре в Гринборо, штат Северная Каролина, клановцы убили пятерых членов компартии.

И я выехал на Юг.

Куклуксклановец Дэйвид Килгор живет с женой и сыном на горе Бриндли. К его жилищу ведет грязная ухабистая дорога, на ней нет ни почтового ящика, ни указателя, но в конце ее на дереве висит переливающаяся металлическая пластинка со словами: «Зона медленной смерти».

Дэйвид Килгор, по-видимому, является наиболее хорошо вооруженным членом местного клана. Можно сказать, что он вооружен до зубов. В пристройке у него припрятаны взрывчатка и другие боеприпасы. Дэйвид хочет продемонстрировать мне действие бронебойных снарядов калибра 30. Он ведет жену, мальчика и меня вниз по дороге, вдоль которой стоят поленницы дров, разбитые рефрижераторы и старые «джипы». Кругом запустение.

Поле превращено в стрельбище. Рядом с куском дренажной трубы две мишени «мопальд». Над мишенями кабина старого грузовика. «По количеству гильз вы можете понять, что каждую неделю мы расстреливаем здесь по 700—800 патронов,— говорит Дэйвид.— Мы стреляем из всех видов оружия. Мы даже сажаем манекены в кабину грузовика, чтобы научиться стрелять в машину ночью». — «Я тоже научилась хорошо стрелять,— говорит его жена и, глядя на ребенка, добавляет: — Вы не можете себе представить, как маленький Дэйвид любит стрелять». Дэйвид-старший говорит: «Да, он бывает просто счастлив, когда крутится вокруг оружия. Возьмите его в магазин, где продают оружие, и он от радости напустит в штаны. А теперь я покажу вам действие наших снарядов. Вот обыкновенная труба. Толщина стенки — шесть дюймов. Я стоял вон там и выстрелил бронебойным снарядом». — Он показывает дырку на трубе. Потом показывает на обитый жестью сарай. Кажется, будто сквозь него прошел мяч. Дэйвид замечает: «Рикошетом снаряд угодил в этот сарай».

...Дом, который арендует Джим Граймс, вполне можно назвать крепостью. Двухэтажный дом-бункер с маленькими окнами, вечно опущенными шторами, дом без подъездного пути. Каждый приближающийся к дому должен пройти несколько метров по открытой местности. Куклуксклановцы Северной Алабамы дали дому прозвище «Форт Граймс». Рядом с «фортом» растет акация, на ней болтается американский флаг. Печатные объявления о собраниях местных куклуксклановцев накалываются на изгородь дома Граймса. Их собрания отнюдь не тайные.

Граймс — один из трех титанов клана. Он выглядит внушительно: рост шесть футов, вес около 200 фунтов. У него темные вьющиеся волосы до плеч, густая борода,

«ВЛАСТЬ БЕЛЫХ! — АМИНЬ!»

Гэй МАРТИН,
американский журналист

голубые глаза. У него много татуировок: пантера и кобра крадутся по его правой руке, на левой — танцовщица и повстанческий флаг южных штатов. Граймс родился в Хантсвилле, играл в американский футбол, вступил в национальную гвардию, затем в военно-морской флот, был во Вьетнаме.

Граймс рассказывает мне, как перед слетом куклуксклановцев он решил почистить туфли. «Я особенно люблю, когда их мне чистят негры, эти свободные негры! Я даю немного на чай, это им нравится, и меня это радует, потому что я сижу и думаю: «Черный, если бы ты знал, где эти туфли будут сверкать сегодня вечером».

Граймс очень тщательно следит за своим оружием. Во дворе у него поблескивают длинноствольная «дельта-88» черного цвета и «мини-14», на стене висит пневматическая винтовка. К «инфорьеру», полуавтоматическому 18-дюймовому пистолету, он питает особые чувства. Он редко берет его с собой, разве только на сборища, но большой пистолет калибра 38 всегда при нем.

В «Форт Граймс» влетает Билли Сمارт, в руках у него пневматическая винтовка и яркая картинка: он только что купил ее за доллар. Сюжет тот же, что и сто лет назад: куклуксклановец в балахоне и в маске сидит на вздыбленном жеребце. Конь также под балахоном.

Билли Сمارт — невысокий, худой, мелковатый даже, но тот, кому Билли покажется легкой добычей, будет абсолютно не прав. В кривой, самонадеянной и немного плотоядной улыбке Билли содержится предупреждение. Улыбка кривая из-за шрама на левой щеке. «Я весь принадлежу клану, приятель, — говорит Билли. — Ты знаешь, коммунисты заставили меня вступить в клан». — «Какие коммунисты?» — «Белые, негры. Все началось с Вьетнама. Понимаешь, ты отправляешься сражаться с коммунистами во Вьетнаме, а когда возвращаешься, то видишь, что здесь они тоже есть. И тебе ничего не остается делать, кроме как вступить в клан. Ты когда-нибудь был во Вьетнаме?» Я отвечаю, что не приходилось. «Да, я был во Вьетнаме, приятель. С 1964 по 1966 год я служил в 101-м десантном батальоне. Я получил бронзовую медаль за участие в кампании. Все это дерьмо». — «Ты был ранен?» — «Мои раны во Вьетнаме — они невидимые. 18 месяцев постоянных боев...» Он смотрит на меня, но я не уверен, что он меня видит. «Приятель, — он шипит, — приятель, я боюсь. Меня научили убивать, я ничего другого не умею делать. Я убивал женщин и детей. Ты веришь мне? Черт возьми, приятель, мне приходилось убивать. Иногда мне нравится это...»

Не знаю уж, почему местные клансмены воспылали ко мне таким доверием (предполагаю, потому, что я выслушивал все их заявления молча, а они твердо убеждены, что «нормальный белый» не может не сочувствовать их бреду), но меня пригласили на одно из их регулярных сборищ.

Происходит оно на поле чуть западнее шоссе № 31. Посредине поля стоит высокий крест, закутанный в традиционную мешковину. Так как описываемое сборище является «антиавтобусным»¹, то из желтого школьного автобуса выброшены все сиденья, и он обложен промасленными тюками сена. Осужденный автобус стоит в нескольких шагах от креста.

От автобуса несет бензином. На ветровом стекле плакат: «Мы никогда не признаем автобусов». (Первоначальное «прзнаем» было исправлено на «признаем».)

Субботний полдень подходит к концу; полдюжины облаченных в традиционные одежды куклуксклановцев продают газету «Рыцарь ККК», издаваемую имперским магом Уилкинсоном, и собирают пожертвования в пластиковые ведра.

Все присутствующие облачены в балахоны: толстая крашенная блондинка с пышной грудью; тринадцатилетний мальчишка, слишком маленький, чтобы носить оружие,

¹ Правительственная программа десегрегации предусматривает совместное обучение в школах детей из «цветных» и белых семей. По домам детей вместе развозят в специальных автобусах. — Примеч. ред.

тянет изо всех сил лук для охоты на оленей; две краснолицые девушки с охотничьими ружьями; гордые мальчишки в ботинках и мотоциклетных шлемах тоже вооружены; пожилые степенные люди с белыми полосками на шее после субботней стрижки. Они столь серьезны, что похожи на носорогов. Они твердо убеждены, что все, что они делают, правильно. Как правильно что-либо когда-либо совершаемое носорогом.

Члены клана сосредоточились маленькими группами у своих машин вдоль северной кромки поля. Большинство из них вооружены охотничьими ружьями или винтовками, дополнительный аксессуар: либо пистолет, либо, на худой конец, охотничий нож. Хорошо вооружен и патруль безопасности — 20 куклуксклановцев под командой Граймса: поле находится в миле от негритянского поселка. Граймс заставил «своих орлов» прочесать лесную полосу и затаиться в кустарнике у самого поля. Военный рай!

В начале восьмого появляется имперский маг Уилкинсон в сопровождении шести членов клана, вооруженных автоматами. Маг — толстый маленький мужчина, напоминающий петуха, в дешевом синем костюме-тройке. Он с гордым видом ходит по полю, авторитетно курит длинную сигару. Он никогда не выходит за пределы круга, образуемого его молчаливыми телохранителями. Каждый приближающийся к нему должен войти в этот круг. Матери подводят к нему детей для благословения, молодежь просит автографы, старики представляют своих братьев и сыновей.

Уже стемнело. Сегодняшним сборищем руководит капеллан ККК штата Алабама Билли Риццио, толстый 22-летний блондин из Бирмингама. Он вопит:

— Я приветствую вас на антиавтобусном собрании клана, и мне бы хотелось, чтобы все остались до самой ночи и посмотрели кое-что, о чем вы сможете рассказать своим внукам. Я хочу, чтобы вы остались, потому что мы собираемся показать здесь власть белых.

И все пятьсот человек поднимают руки и кричат:

— Власть белых!

— Громче!

— Власть белых!

— Аминь,— произносит Риццио.

На трибуну взбирается 83-летний преподобный Драммонд.

— Я хочу благословить всех вас. Помните, что бог знает каждого из нас... О боже, мы благодарим тебя за этот день, и за каждого присутствующего здесь куклуксклановца, и за тех, кто нам сочувствует. Благослови нас и прости нам грехи наши. Бог помогает нам верить в то, что у бога есть клан в раю. Аминь.

Преподобный Драммонд вздымает руки и вызывает в воображении присутствующих святую армию, белые одежды, конец света. Затем вступает брат Риццио: «Если черная негритянская обезьяна положит черную лапу на белую женщину, мы сбросим эту лапу!» Риццио очень искусно доводит людей до бешенства.

К тому времени, когда имперский маг Уилкинсон поднимается на трибуну, толпа уже абсолютно готова. Речь Уилкинсона посвящена детям: его собственным детям, детям из куклуксклановского Корпуса молодежи, белым детям, «которым в смешанных школах досаждают черные обезьяны». «Черные обезьяны, которым дозволено теперь ездить вместе с белыми детьми в школьных автобусах».

Маг вещает: «Я посвятил большую часть своей жизни нашей стране. В течение восьми лет я был матросом на подводных лодках «Поларис». Сегодня я служу ей в другой форме, и я говорю вам: теперь настало время облачиться в одежды ККК».

Он поворачивается к своему помощнику, который держит его балахон. Он надевает на голову остроконечный, как акулий плавник, капюшон. Уже при полном параде он вновь подходит к микрофону и кричит: «Чего мы хотим?» И толпа отвечает: «Власти белых!»

Огни гаснут. Имперский маг спускается с трибуны. Куклуксклановцы собираются вокруг креста и автобуса, балахоны светятся под луной. Стоя лицом к кресту, они

разводят руки в стороны, в такой позе они сами похожи на кресты.

Уилкинсон и великий дракон Роджер Хэндли из Алабамы стоят внутри круга. По команде Хэндли куклуксклановцы опускают руки, поворачиваются и идут по часовой стрелке вокруг креста. Каждому участнику процессии вручают незажженный факел. Они поджигают их от факела Уилкинсона. Я насчитал 80 факелов.

Люди поворачиваются лицом к кресту и три раза поднимают и опускают факелы. Языки пламени пляшут на ветру. И вдруг в лесу, у железнодорожного полотна, раздается выстрел. В первый момент никто не понимает, что означает этот звук, но, когда телохранители валят мага на землю и сами падают на него, раздается крик из многих глоток: «Негры!»

Куклуксклановцы, стоящие вокруг креста, падают на колени и начинают бить факелами о землю. Длинная сухая трава мгновенно воспламеняется. Огонь подбирается к пятну бензина — в этом месте факелы пропитывали горючим. Происходит взрыв. Мага втащили в школьный автобус. Несколько человек берут на прицел железнодорожные пути. Матери загоняют детей под машины.

Время тянется медленно, минута как год. Других выстрелов не было. Кто-то в поле кричит в рупор: «Куклуксклановцы, оставайтесь на своих местах!» Затем дюжина охранников выходит из леса с двумя белыми парнями 17—18 лет. При их появлении раздаются многочисленные вопли. Ребят подводят к большому дереву, где Хэндли — уже без балахона — допрашивает их. Ребята возвращались с работы домой, увидели факелы и решили выяснить, в чем дело. Как только они добрались до железнодорожных путей, охрана выстрелила. В какой-то момент мне показалось, что вот-вот кто-нибудь перебросит через сук пару длинных веревок. Но, слава богу, это настроение мгновенно проходит. Ребята приносят извинения. Хэндли их отпускает.

«Клан! К кресту!» — кричит в рупор Уилкинсон. И те, чьи факелы еще горят, устанавливают их у основания креста.

«Давайте покажем неграм, чем мы занимаемся!» — кричит один куклуксклановец, его слова вызывают гул одобрения. После неожиданного перерыва в церемонии толпа находится в еще более подогретом состоянии. Крест зажжен. Маг декламирует стихотворение-клятву:

Приветствую вас, рыцари клана!

Глядите на горящий крест, горящий крест.

Ничто не сможет погасить его священный огонь.

Когда он заканчивает, члены Корпуса молодежи ККК собираются у автобуса с факелами в руках. «Мы хотим дать возможность самим детям показать, что они думают о насильственных поездках на автобусах и совместном обучении с неграми», — говорит Уилкинсон. Дети бросают свои факелы в автобус. Сено, пластик и уцелевшая в автобусе обивка горят быстро и жарко, и восточный ветер несет черное облако на толпу.

— Мне кажется, я чувствую запах горящего дерьма! — кричит один остряк. — Почему ты не выходишь оттуда, негр?

— Должно быть, он очень хочет ходить в школу для белых! — вопит толпа. — Гори, негр, гори!

Раздается взрыв. Люди кричат, приседают, падают. Через несколько минут они понимают, что это разорвалась от жара шина. Над полем висят плотные облака скучного темно-коричневого цвета. Яркий, как грейпфрут, пепел поднимается в небо...

Через две недели после сборища Граймс выводит меня во двор «форты» и говорит: «Смотри, мы открылись и впустили тебя, мы ничего от тебя не хотим, кроме того, чтобы ты сказал о нас правду. Ты не представляешь, как я рисковал. Я хочу сказать, что, если ты когда-нибудь, повторяю, если ты когда-нибудь захочешь вступить в клан, об этом будут знать только три человека: Билл Уилкинсон, ты и я. Брат, я надеюсь, что ты вступишь, потому что мне будет приятно в один прекрасный день пожать тебе руку».

Я не могу сказать того же о себе.

Перевела с английского С. ДУБОВИК

«ПРОСТО, КАК РУКА У МИКЕЛ- АНДЖЕЛО»

Нина ЧУГУНОВА,
А. ЗЕМЛЯНИЧЕНКО (фото)

В первом семестре студент Антонио Гомес, ученик мастера Таланкина, пропустил несколько занятий в мастерской по уважительной причине. Он попросил три дня дополнительно к праздничным и улетел в Мадрид держать корректуру книги своих стихов. Три дня прошло, он из Испании не вернулся. Все еще вчитывался в свои стихи, и напечатанный типографским способом текст казался ему непохожим на тот, что рождался в голове. Привычное ощущение автора: едва вещь готова, она начинает жить собственной жизнью и уже неподвластна творцу. Будь то книга или кинофильм.

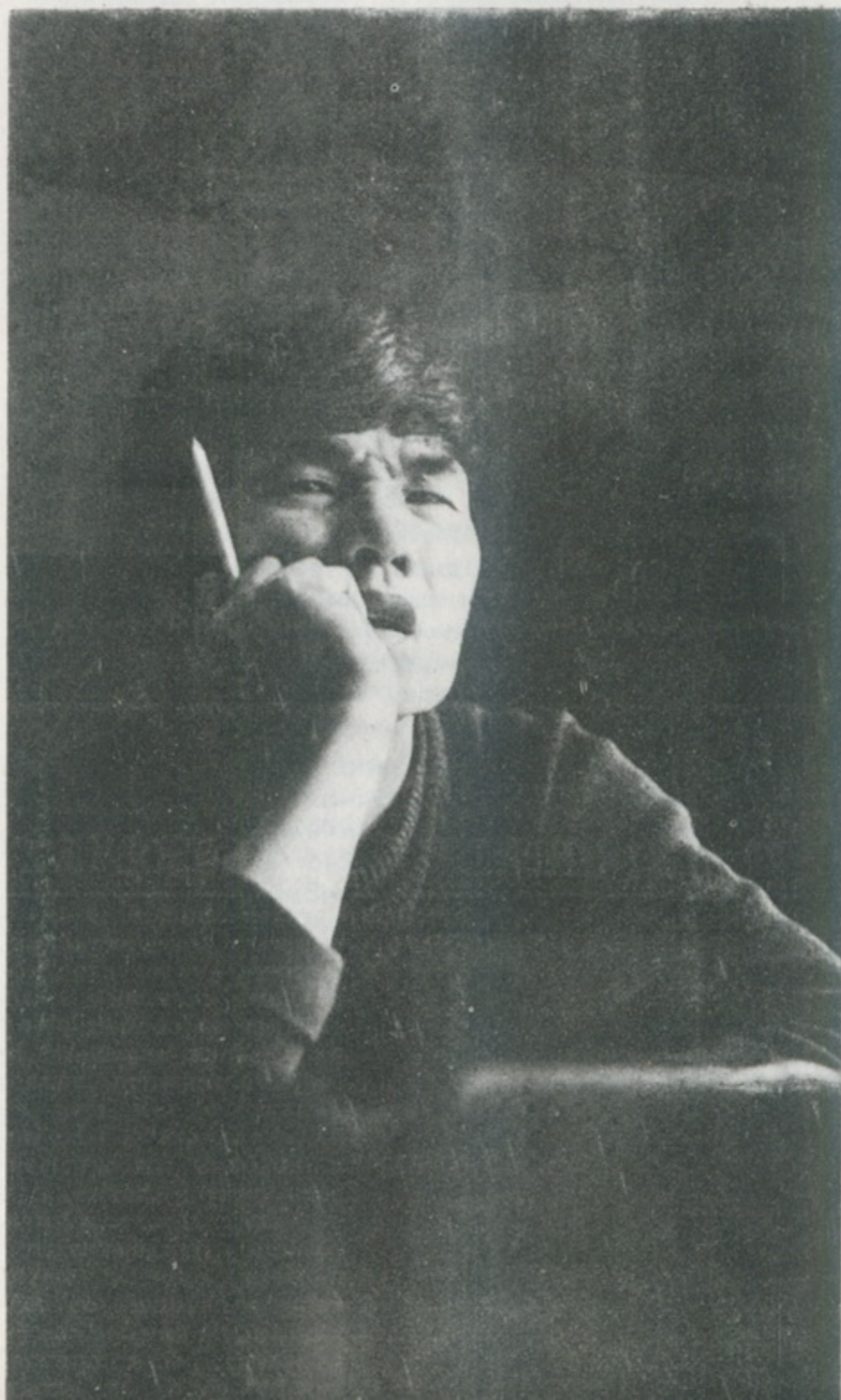
Это вторая его книга. Первая, изданная на родине, в Колумбии, называлась просто «Песня». Название второй «Vines de retorno». Если дословно перевести с испанского, — «Виноградник возвращения». Стихи написаны во время путешествий по Колумбии. Автостоп — транспорт поэтов. Но название пришло позже, в Москве. Антонио имел в виду, что человек обязан возвращаться. Возвращения необходимы человеку, иначе он забудет, зачем отправился в путь. Человек возвращается, но не отстает, не теряет. Он не сдастся — он возвращается, полный чем-то новым, и, проверив в себе перемены, вновь уходит вперед.

Так получилось, что книги Антонио Гомеса выходили в свет с нужным опозданием, и в каждой он был таким, каким быть уже перестал. Он успевал уйти вперед...

Мастерская

— Где Антонио?

В коридоре огромные фотографии — кадры знаменитых фильмов. Известному актеру на фотографии пририсовали усы. В буфете очередь. Все красивые как киноартисты. Самые красивые — будущие экономисты и администраторы. И седой, всеми уважаемый мастер попросту спускается в буфет. Отвечает на приветствия. Просит чаю.

В аудитории 209, в «мастерской» начинается занятие.
— Тише, успокойтесь... Сейчас вы поработали над кадром и поняли, что значит поставить кадр. А теперь знаете: этим надо заниматься каждый день, каждый день. Вы должны научиться тренировать себя незаметно для самих себя, почти автоматически. На съемке будет то же самое: организация кадра, композиция, освещение, оптика, общий план, крупный план. Это надо довести до автоматизма, до совершенства, иначе на съемке не хватит времени на главное — на работу с актером. Учитесь честно зарабатывать свой хлеб.

Конечно, идеально, когда у тебя чудесный ассистент, великолепный второй режиссер. Ты пришел — все сделано. «А ну-ка вот тут подправьте». Но! Во-первых, этого еще до-о-лго не будет. И даже когда вы будете увенчаны славой, я не думаю... Вы поглядели бы на своего шефа, что с ним там сейчас делается, на съемочной площадке!

(Игорь Васильевич Таланкин, шеф, сейчас на съемках, в отъезде. Занятия ведут педагоги Иван Васильевич Уфимцев — он строг и справедлив — и Эмилия Кирилловна Кравченко — строга и добра.)

— Ну а вы, «актеры»! Как вы могли согласиться такое играть? Вы же режиссеры на самом деле. Видите, плохо, и не можете сказать прямо своему же товарищу. Стыдно.

(Идет обсуждение работ.)

— Оля, возможна ли такая фантазмагория? Возможна. Только учти: чтобы было смешно, надо стремиться к абсолютной серьезности.

— Дорогие ребята! Вы можете быть гениальными режиссерами, можете быть средними, но б е з г р а м о т - н ы м и режиссерами во ВГИКе вы не станете. Мы вам этого не позволим. Знайте. Кстати, где Антонио? Еще не вернулся?..

Антонио занят своим «Возвращением».

«Я думаю: когда я начал писать стихи? С чего это началось? С одиночества. Помню: я стою посередине школьного двора с двумя баскетбольными площадками и лесом с той стороны, куда уходит ветер. Я не учусь еще в школе, я мал. Меня привел отец и ушел. Я стою долго в пустом дворе».

Мастерская. Следующее упражнение. Берется известное (впрочем, как хотите) живописное полотно. Найдите репродукцию. Ваш сценарий — сюжет очень небольшой — должен включать полотно. Это один кадр. Момент развития сюжета какой хотите. Может, кульминация. Действие, разыгранное вами, должно максимально оправдать, объяснить «кадр», исполненный художником. Почему эти люди стоят здесь? Что написано на их лицах? Что сейчас произойдет? Что тут случилось? Только, пожалуйста, больше легкости. Сделайте комедию! Что-то совсем неожиданное. Не будьте тяжелодумами.

Шутить так шутить. На одной из репетиций (которые педагог вообще-то не имеет права видеть) герои «Тайной вечери» гуляют всюду и поют «Ой, мороз, мороз».

— Ну-ну. Шутки шутками, но это чересчур. Приступайте. Репетируются «Тайная вечеря», «Разборчивая невеста» (известные полотна) и другие.

На первом курсе сдавали и такие упражнения. «Руки»: о чем можно судить по рукам? «Окно» — в распоряжении режиссера только окно и звук. Минимум средств. Максимум требуемого содержания. Окно, окно... Ничего не приходит в голову. Но сколько раз поэзия билась в окне о раму, о подоконник. («...И воздух синь, как узелок с бельем у выписавшегося из больницы».) Еще одно задание — «Пауза». Например, Германн входит в дом графини. Как там? «Не пугайтесь, ради бога, не пугайтесь!» Но как в точности у Пушкина?

— Всем предложен отрывок из «Пиковой дамы».

— Что Антонио понимает в свахе Гоголя? А мы — в Маркесе? — сказал Иван Васильевич. (И всем предложен был отрывок из «Пиковой дамы».)

«В колледже я тоже одинок. Даже хуже — больше прежнего. Я чужой со своими стихами, литературным языком, старанием вырваться из круга одиночества, ненавистью к одиночеству и гордостью. «Эй парень, какие книжки ты читаешь? Похоже, еще ни одной». Меня спрашивают, что я знаю о Ленине. Я знаю со слов отца.

— Ленин — это такой человек, который сказал крестьянам: «Ребята, нам надо идти в город и превращаться в рабочих».

— Отлично, парень, сверх всяких похвал! Вот это голова. Ну а коммунизм?

Первое, что я прочел после этого, — «Манифест Коммунистической партии» и ленинские «Задачи союзов молодежи». Но что значит прочел! Я схватился за эти книги, читая взахлеб, как голодный за хлеб. Я не знал еще, что Ленина можно п р е п о д а в а т ь. Я не мог представить, что Ленина можно с п и с ы в а т ь из чужого конспекта. Книжки по марксизму — это клад, золото. Было, осталось, будет. Вот каким я стал человеком: изучил марксизм и сдал по нему зачет.

На четвертом курсе колледжа я уже стал заниматься в профессиональной театральной труппе. Мы делаем дело — идем туда, где начинаются забастовки, где собирается демонстрация, выступаем на улицах. Темы? Нам рассказывают: «Проблема состоит вот в чем», — и человек садится и пишет пьесу. Репетируем, и быстро на сцену. Я играл. А то, что писал, шло только в школьном театре. Я не мог, я не умел еще писать революционных пьес! Мои новые товарищи смеются над моими стихами. Они говорят: «Это буржуазно». Я готов все сжечь, лишь бы они не смеялись. Из этих едва не уничтоженных стихов (бесполезно уничтожать стихи!) получилась первая «Песня», но это случилось позже. Сейчас я изо всех сил превращаюсь в революционера.

— Ты написал что-нибудь о прошлой демонстрации?

— Да. — Я протягиваю листок, исписанный моей старательной революционной рукой.

— Опять! Зачем ты пользуешься странными словами?

— Это символы.

— Символы чего? Никому это не нужно. Пойми: народ не поймет.

Я менял слова, отступал, рвал, но совсем победить себя не смог. Очень хорошо, как я теперь понимаю: искусство не терпит неправды, фальшивого, пусть и «революционного», слова. Искусство отомстит и уничтожит лгуна. Я не был революционером, а был просто студент. Нелюбимое слово. Не люблю, когда сейчас меня называют: студент. Но тогда — да, я был студент. А поэзия моя изменилась сама, когда изменился я. Вышла «Песня» — я попрощался с собой прежним. Мои друзья, вы были разочарованы ужасно! В «Песне» не было гимнов, а была любовь, одна любовь.

— Ты раньше был поэтом, — сказала мама.

— Да. Меня трудно было понять, правда?

— У тебя глаза другие, — сказала она. — Суровые, взрослые у тебя теперь глаза.

Мы бежали на демонстрации, которые всегда начинались без нас. Мы писали плакаты наспех и не успевали. Мы спорили, по какому пути пойдет страна, а где-то вспыхивала грандиозная забастовка. Мы догоняли жизнь. Я перестал стричься и надевал разные носки.

— Пойми, я тороплюсь! — кричал я, выскакивая из дому.

Шли стихи «Возвращения». Я к ним вернусь.

Мастерская

— Они очень молоды и, следовательно, очень у м н ы ! Это монолог педагога Ивана Васильевича Уфимцева. Я видела его и разгневанным.

— Они любят поговорить... о «темпоритме»! Они в сцене, где человек просто просыпается, просыпается и просто, зевая, говорит: «А-а», — они вам такого наворотят. Про революцию! Ну и хорошо, что наворотят... Сейчас они у нас очень з а д у м ч и в ы. Сами про себя

придумывают. Один умный, другой философ, третий неотразим. Четвертый... Надо, чтобы скорее перестали придумывать, скорее обратились к жизни, к работе. Поэтому с первого курса мы посылаем их в жизнь. Вот так просто иди и наблюдай реальную, настоящую человеческую жизнь. Смотри человека в метро, в очереди, в бане. Смотри, как он улыбается, как просит сдачу, как через улицу бежит, как человек грустит, стесняется, ест грушу! А Гомера и Дидро читай параллельно. Так они у нас готовили «характеры». Что из этого получится? Вот они начинают приступать к первой съемочной работе. Да, на первом курсе, когда все было внове, они были сплошь энтузиасты, все горы готовы были своротить. Сейчас несколько притихли. Посмотрим. В институте ошибаются, потом удивляют мир. Сейчас, главное, надо узнать: будут ли они понимать про человека, смогут ли? Не будут — пусть уходят. Готовы — будут работать. А ошибки сколько угодно. Пусть говорят ерунду, пусть набивают шишки! Это полезно. Это украшает молодость.

«...Здесь надо сказать, что я ехал в Москву к идеальным людям. Да, я в этом был уверен. Раз социализм, то и люди совершенные. Поэтому, как бы сказать, разница между людьми меня сначала поразила. Наконец-то я понял: эти люди сами строят социализм, значит, они еще сложнее того, что строят. И я стал все время наблюдать московского человека. Это очень-очень сложный человек! В нем много разных сторон. Трудно сказать, каков его характер. Но основа характера очень добрая. Вот я сажусь в такси и тут же заговариваю с таксистом о том, о сем. Мне даже предложили разрабатывать тему «Таксисты». Может быть, это будет тема «Московский человек»? Как он на улице проявляет солидарность, что он говорит в кафе, как читает. Как смеется, злится.

Да, я думаю, что художнику социалистического общества интересно и важно стараться разобраться, какой характер у положительного героя его социалистического мира. Это важно и сложно, и я это понимаю хотя бы потому, что, каждый день наблюдая москвичей (а еще я видел, например, киевлян), я стараюсь представить, как эти разные люди с плохими и хорошими характерами, проявляющимися так ясно в простом быту троллейбуса, ведут себя на работе: допустим, борются против плохого и добиваются справедливости, оставаясь разными-разными...

Это все так. Но я думаю: в чем будет состоять мой долг? Вот я возвращаюсь на родину, вот я принялся за свой первый фильм, повторяя себе слова моего мастера Игоря Васильевича Таланкина о том, что художник не имеет права сделать плохой фильм (то есть нечестный, слабый не по режиссуре, а по боли, по совести, по долгу...), какую задачу я ставлю перед собой?

Я с болью вижу, что мой любимый народ безграмотен. Я вижу с болью, что люди не привыкли думать. Жизнь гнетет их, они сгибаются под тяжестью жизни, ненавидя гнет, но не размышляют, то есть не думают о жизни.

Я должен научить человека думать.
Это очень трудно.
Я сам прежде всего должен научиться думать.
Я должен быть справедлив и прав.
Моя совесть должна быть умна.
Поэтому я должен прежде сам научиться у человека, а потом учить его.

Когда на Западе кинематографистам достается старый советский фильм, они дерутся за то, чтобы посмотреть его хоть сто раз. Когда я рассказываю, что есть во ВГИКе, люди просто плачут от зависти. Я ведь и себя ругаю. Я думаю: на десять процентов мной используется ВГИК! Что же, конкурс велик, человек проходит с трудом

конкурс и ждет. Он ждет, что педагог по литературе сделает из него знатока литературы. Что мастер сделает из него режиссера. И верит, что, если он в срок все задания выполнит, он превратится в профессионального режиссера, и, когда ему вручат диплом, произойдет чудо. Нет, не произойдет. Надо сразу себе сказать: я уже художник, только неумелый. Но есть шанс. Один. Это мой мастер. Надо им пользоваться. Послушай, кажется, я нехорошо сказал: «пользоваться»? Правильно по мысли, но как-то нехорошо. Заговорился».

Мастерская. Обсуждение.

— Ребята, учтите, все работы будете показывать на экзаменах. (Эмилия Кирилловна, очень мягким голосом.)

Эмилия Кирилловна, разбирающая сейчас папки с «пиковыми дамами», конечно, тоже окончила ВГИК.

— Только наш ГИК ведь был в Алма-Ате, в эвакуации. Вы должны это знать, это история. Довженко был заведующим сценарной кафедрой. А учились Хуциев, Бондарчук, Росточкин, Чухрай. Это все те люди, тех лет выпуск. Дипломы сдавали на бумаге. Но какое было братство! Приходили люди с фронта, и с ними приходило к нам это особенное отношение друг к другу.

Недоедали — так все недоедали. Но сколько в каждом сил, добра, таланта... Этого ведь потом не наберешь. Хотя это ведь такая штука непонятная — талант. Иногда просто сидишь и ждешь: прорежется или нет. А иногда столько обещано — и ничего... Счастливый и печальный дар это.

Так я говорю: все служили. Именно служили кино. Сейчас, надеюсь, наши ребята просто тоньше... Хотя есть такие, что очень напоминают наш курс! Кто приезжает к нам с «горячих точек» — они похожи на прежних гиковцев. Антонио, например...

В Москве Антонио хотел бросить писать стихи. Ему вдруг стало казаться, что слова — малое средство, чтобы передать то, чем он живет. Что слов не хватает. Что бумага — плоский лист. И он откладывал перо и говорил Эрвину, товарищу по мастерской и общежитию, чилийцу:

— Нет, не получилось. Знаешь, я не сказал.

А в общежитии к тебе каждый вечер стучатся друзья и зовут пить чай. И вдруг ты замечаешь, что сидишь всю ночь и пьешь чай. И вчера ты сидел весь вечер и за полночь пил чай. «Что за чушь, — подумал Антонио, — так вся жизнь пройдет в общежитии. Какие стихи, когда есть время пить чай».

Он неожиданно нашел свой угол в Москве. Он гулял в Замоскворечье, улица повернулась, скрипнув на морозе, и дом встал углом, желтым боком, тающим окном, паром из дверей, стружкой ветра в снежной воронке, тлеющим окном, дымом из трубы.

«Вон оно что, — в сердечной тишине сказал сам себе Антонио. — Вот почему был Толстой и Достоевский и были те, которые были. Вот, вот почему».

Скоро Эрвин напомнил Антонио его жалобы на бумагу и слова. Кризис кончился. Можно было возвращаться к старым стихам, собирать их в пачку, давать название и бросать за плечо как легкий груз лет.

А люди прочтут «Возвращение» и не узнают, что человек, который путешествовал автостопом и писал стихи, наполовину политические, наполовину о любви, — этот человек ушел вперед и сейчас пишет по-другому. Он новое узнал.

Жизнь объемна. И художник, сначала одинокий, должен стремиться к тому, чтобы его действительность приблизилась к жизни, восприняла ее объем, цвет. Чтобы читатель и зритель, прочитав и увидев созданное художником, не спросили мастера: «Простите, Антонио, а что вы хотели этим сказать? Что изображено?»

Он должен сначала увидеть: это просто, как в жизни. Потом увидит: просто, как рука у Микеланджело.

ЧТОБЫ «КРАСНАЯ КНИГА» СТАЛА ТОНЬШЕ

Животный мир Африканского континента сравнительно богат. Сравнительно с Европой и Северной Америкой, где число исчезнувших видов наиболее велико. Но и африканские слоны и зебры внесены в «Красную книгу». Это означает, что их существованию на нашей планете грозит серьезная опасность. От браконьеров. Из-за нехватки привычной пищи. Чтобы этого не случилось, зоологи стараются организовать охрану редких животных. Для этого создаются учебные центры, оснащенные специальной техникой. На снимках: будни тех, кто посвятил себя охране животного мира Африки; к стаду настоящих зебр подбирается полосатая «зебромашинка», а студенты изучают в лесной школе строение толстокожего гиганта.

ДАТЬ ПОЛЮ РОБСОНУ

В Нью-Йорке состоялся фестиваль, посвященный памяти выдающегося певца, актера, борца за гражданские права Поля Робсона. Были показаны фильмы с его участием, снятые на пленку отрывки из пьес, в которых он играл, кстати, он был первым черным, сыгравшим на Бродвее Отелло. Центральным событием фестиваля стал документальный фильм режиссера Сола Турелла «Дань Полю Робсону», в котором рассказывалось о творческом пути артиста, о его политических выступлениях, о том, как в годы маккартизма государственный департамент лишил Поля Робсона паспорта, чтобы он не мог выступать за границей, о том, как его не допустили к экрану и сцене. Фильм был настолько силен, что, несмотря на давление правых, Американская академия киноискусства присудила ему свою премию.

24 ВЕКА И ВОСЕМЬ ЛЕТ

Они были найдены в море неподалеку от одного из итальянских курортов — две бронзовые статуи греческих воинов, созданные, как предполагают специалисты, в пятом веке до нашей эры. Почти два тысячелетия пролежали они на дне морском (предполагается, что они затонули вместе с кораблем, на котором римляне везли их из Греции), и — говорят специалисты — именно это помогло им сохраниться: налипший песок, гравий, ракушки предохранили статуи от коррозии. На снятие этого «предохранительного слоя» реставраторам понадобились восемь лет и самая современная техника, вплоть до ультразвука. И сейчас воины — памятник временам героев, временам великих скульпторов и нынешнему мастерству реставраторов — выставлены в археологическом музее Флоренции.

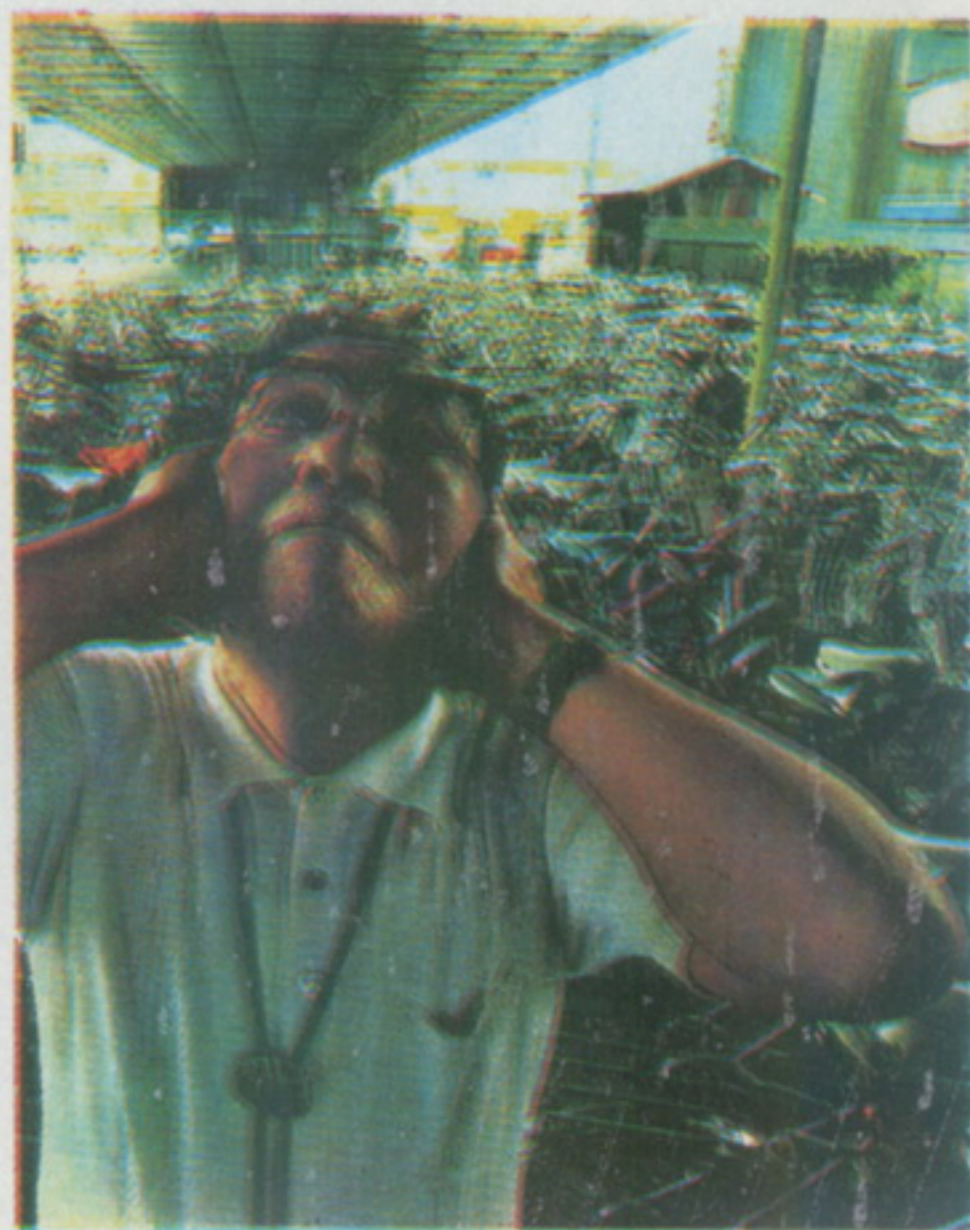

НОВОСТИ ГОРОДСКОГО ТРАНСПОРТА. «Зайцы» на общественном транспорте всех стран — зверек, увы, пока неистребимый. Штраф — мера сильная, но поголовье «зайцев» все же не очень-то сокращается. Власти Бангкока решили прибегнуть к другому средству. Они устроили лотерею, основанную на номерах проездных билетов. «Наши дела стремительно поправляются, — заявляют руководители транспортного хозяйства. — Пассажиры теперь покупают лишние билеты».

НОВОСТИ АРХИТЕКТУРЫ. В здании одного из канадских офисов — «Галф Кэнэда Скуза» — тепло, хотя в нем нет батарей. Как пишет журнал «Ньюсуик», контора обогревается за счет тепла от тел своих служащих. Расчет прост: чем усердней работаешь, тем больше отдаешь энергии, тем теплее в здании. Оригинально, главное, выгодно — никакой энергетический кризис не страшен. Так что хочешь согреться — умей вертеться.

ШУМИМ, БРАТЦЫ, ШУМИМ...

От шума страдает не только слух, но и вся нервная система человека. Это было известно еще тысячелетия назад, когда Юлий Цезарь запретил в Риме ездить ночью на грохочущих колесницах. А четыреста лет назад английская королева Елизавета I запретила мужьям бить своих жен после десяти часов вечера, «дабы их вопли не беспокоили соседей». Сегодня шум, производимый катящейся по мостовой повозкой, показался бы до смешного слабым по сравнению с шумом, издаваемым городским транспортом. В Токио, например, сверхскоростные экспрессы, потоки машин, десятки авиалайнеров, которые заходят на посадку, порождают шум, превышающий все допустимые нормы. Японцев не спасают и миллионы велосипедов. «Это все равно что ходить в мягких тапочках, стараясь не топтать, по большому машиностроительному заводу», — говорят жители японской столицы.

О СУПЕРМЕНАХ И СУПЕРДАМАХ

Мотокросс Париж — Дакар. Десять тысяч километров зноя и пыли, ветра и бьющего в лицо песка. И наконец финиш. И награда за все — свежая вода и сон. Пропыленные насквозь, заросшие щетиной, осунувшиеся, усталые супермены спят. Зато супердамы — пятеро женщин, участвовавших в гонках наравне с мужчинами, — не помышляют о сне. Прибыв к финишу, они сняли шлемы, защитные очки и... исчезли. Чтобы через полчаса появиться вновь очаровательными, женственными и свежими. Как вы думаете, куда они сейчас отправятся? Ну конечно, по магазинам!

ГОРОД НА ОДИН СЕЗОН

Песчаные замки на пляже — дело летнее и всем знакомое. Но вслед за летом и зима катит в глаза со своими зимними развлечениями. Причем развлечения эти могут быть вполне грандиозными, как у жителей японского города Саппоро, которые строят замки из снега, причем в натуральную величину. Огромные глыбы укладываются друг на друга, а лучшие художники и скульпторы города придают им формы самых знаменитых строений Саппоро. Снег — дешевый строительный материал. Жаль только, что недолговечный. Пригреет солнце, и потекут ручьи с ледяных пагод, поплывут стены особняков. Ближе к весне экскаваторы и бульдозеры довершают работу солнечных лучей. К этому призывает необходимость: ходить в прохладной тени таких строений становится просто небезопасно...

Года не проходит, чтобы в итальянской прессе не разразился футбольный «скандал года». Темы скандалов для буржуазного спорта обычные: торговля игроками, торговля тренерами, торговля голами, торговля местами в турнирной таблице. И весьма осторожные намеки на связи владельцев футбольных клубов с мафией. Намеки осторожные: журналисты и футболисты знают, что с мафией шутки плохи. Потому и связаны все, кто связан с футболом, заговором молчания, весьма напоминающим мафиозную «омерту». Редко кто решается заговорить.

Одним из тех, кто решился, уже отыграв свое в футбол, был Тони Кардинале, игравший за римский клуб «Альба». Тони итальянец, но вырос и начинал играть в футбол в Англии, куда его семья эмигрировала много лет назад. Вернувшись в Англию, Тони Кардинале рассказал о нравах итальянского футбола известному спортивному журналисту Брайану Гленвиллу, отрывки из книги которого мы публикуем.

Игра началась, первый удар по мячу сделали игроки «Болоньи». Первые минуты я был ошеломлен: темп игры, тактика — все не так, как в Англии. Не успел я еще коснуться мяча, как один из их защитников похлопал меня по плечу, я обернулся и получил удар по глазам. Я был настолько удивлен, что и не подумал дать сдачи, а он ждал как раз этого: меня удалили бы с поля. Боль была такая, что минуту я не мог открыть глаза. Странно, но мне это помогло — я разозлился и решил обязательно сыграть хорошо. Мне пришлось нелегко: меня блокировали, пытались свалить, хватали за футболку, но все делалось по-умному, когда судья не видел.

Вообще-то судья свистел часто, хотя больше останавливал игру по пустякам, зато многих серьезных проступков вообще как бы не замечал.

Когда я в третий или четвертый раз попытался выйти на верховой мяч и меня опять оттолкнули, я повернулся к судье и попытался обратить его внимание на эти нарушения. Он набросился на меня как сумасшедший и заорал:

— Заткнись, или выгону с поля!

Игра шла с остановками из-за постоянно свистевшего судьи и самих игроков. Неожиданно один из них совершал великолепный индивидуальный проход, бил по воротам или делал прострел — и снова все успокаивалось, как будто футболистам надо было отдохнуть.

Меня это сбивало с толку. В Англии постоянно бегаешь, борешься за мяч, а тут только разогрелся и уже надо останавливаться. Впрочем, игроки нашей команды действовали так же грубо, как и «Болоньи». Особенно отличались центральный защитник Карминато и Лючано Гетти.

Первый тайм закончился безрезультатно. В раздевалке тренер Константины набросился на нас, размахивая руками и бегая взад и вперед: оказывается, мы этого не сделали, того не сделали, стыдно, ведь у нас такой слабый противник. Защитникам досталось за то, что они давали себя обвести. Своего подопечного надо останавливать любыми способами: обязательно по правилам.

БОМ- БАР- ДИР

Брайан ГЛЕНВИЛЛ,
английский журналист

— Он ударил меня пальцами в глаза,— пожаловался я своему приятелю Ансельмо.

Тот покачал головой и сказал:

— Он тебя провоцировал: если бы ты ответил, тебя бы удалили с поля.

— Я возьму его на себя,— сказал Лючано Гетти,— я все видел. Он свое получит.

Игрок «Болоньи» действительно «свое получил». Он вышел вперед, сделал передачу и решил вернуться в защиту. Лючано Гетти пробежал мимо и резко ударил его локтем. Защитник свалился как подкошенный. Два или три игрока «Болоньи» бросились за Гетти, он перебежал через поле (я заметил, как здорово умеют исчезать итальянские футболисты после таких штучек). Судья в поле ничего не видел, а судья на линии притворился, что ничего не видел. Гетти все сошло с рук. Позже он подошел ко мне и подмигнул.

Константини, сидевший на скамейке рядом с полем, все время вскакивал, орал, жестикулировал, спорил, протестовал: если б судья был судьей, он бы его давно наказал.

Осталось играть три минуты, наш защитник навесил с правого края на ворота «Болоньи». Именно такой передачи я и ждал, до ворот было далековато, я рванулся к дальней штанге, где защита не могла меня достать и отпихнуть, высоко выпрыгнул и в нужной точке резко, изо всех сил ударил головой. Мяч пролетел мимо рук вратаря в сетку. Зрители взревели, товарищи по команде прыгали мне на плечи и обнимали меня.

В раздевалке я понял, как устал. Не от игры — ее почти не было,— меня вымотали нервное напряжение и постоянные нарушения. Саднило глаза, болели ребра (ударил локтем), на левом бедре появился синяк (стукнули ногой), болел затылок (вмазали, когда пытался сделать навес).

— И вот так каждую неделю? — спросил я Ансельмо.

Он рассмеялся:

— Знаешь, парень, бывает и хуже. Сегодня, по крайней мере, мы играли на своем поле. Судья нам немного помогал. На чужом поле от него помощи ждать нечего.

— Если этот судья был за нас,— сказал я,— то что же произойдет, когда он будет против?

В следующее воскресенье мы играли с «Сампдорией» в Генуе, и я понял, что имел в виду

Ансельмо, когда говорил о разнице между своим и чужим полем. На этот раз, слава богу, пальцами в глаза мне никто не тыкал, но в остальном соперники делали что хотели, а судья их чуть ли не подбадривал. Этот здоровый блондин и знать не хотел, что кого-то бьют по ногам, а как только раздавались жалобы или протесты, он набрасывался на пострадавшего, как прокурор на преступника. Когда я обратился к нему во второй раз, он показал мне желтую карточку и предупредил, что, если я буду ему мешать, он удалит меня с поля!

Футболисты — и не только они — много говорили о том, как сговариваются с судьями, как богатые клубы из Турина и Милана, которые обычно побеждают в чемпионате, влияют на их решения. Но в этом матче и во многих других, мне кажется, судьи просто трусили: они боялись толпы — иногда их можно было понять — и старались покинуть стадион целыми и невредимыми.

Мне сказали, что, хотя мой опекун из «Сампдории» не очень хорошо играет головой, он силен в отборе мяча. Меня это устраивало. Но когда началась игра, я обнаружил, что мне просто не дают подпрыгнуть. Гол, который я забил «Болонье», насторожил «Сампдорию», и они были полны решимости не дать мне забить такой же. Меня били локтями, толкали, хватили за футболку. Судья, как я уже говорил, практически не реагировал.

К концу первого тайма мне это порядком надоело. Я ничего не мог сделать. Да и зрители доводили меня своими криками: «Дубина, оставался бы лучше в Англии!» Когда против меня в десятый раз нарушили правила и свистка не последовало, я покачал головой и выругался. Ансельмо стоял рядом и сказал:

— Здесь надо уметь постоять за себя.

Оставалась минута до конца первого тайма, последовал навес слева, я никак не мог достать мяч, но мой опекун на всякий случай обхватил меня руками — я не вырывался. Мяч ушел за пределы поля, он отпустил меня, и я — сам даже не знаю, что на меня нашло, — ударил его локтем в живот. Он заорал, упал и принялся кататься по земле. Болельщики «Сампдо-

рии» взвыли. Несколько соперников бросились на меня, и я услышал крик Ансельмо:

— Ложись! Ложись!

Я упал на траву, схватился за бок, мол, ушибся в столкновении. Когда подбежал судья и стал спрашивать, что случилось, игроки «Сампдории» показали, как я ударил их товарища локтем, но я продолжал валяться, стонать, гримасничать, как будто испытывал страшную боль. Главный судья подошел к боковому судье. Тот сказал, что ничего не видел.

В первом тайме счет не был открыт. Во время перерыва ко мне в раздевалке подошел Лючано Гетти и сказал:

— Молодец, показал этой сволочи, что к чему. Теперь они научатся уважать тебя.

Действительно, во втором тайме они не очень охотно нарушали против меня правила. Это позволило мне головой сбросить мяч на ближнюю штангу, и набежавший справа Ферруччо Пергола вколотил его в сетку. Мы победили 1:0...

Нам угрожал вылет во вторую лигу. Из шестнадцати клубов первой лиги три, занявших последние места, выбывали. Ниже нас в таблице находились только «Генуя», «Фодджа» и «Варезе». Мы всего на очко опережали «Геную». Каждый день Константи́ни давал интервью римской прессе, объясняя, почему все так плохо: я и Альмиранте дисквалифицированы на несколько игр, игроки делают не то, что он говорит, только в ноябре клуб приобрел бомбардира, хотя он давно просил об этом. И так далее, и так далее. Читая газетные статьи, можно было подумать, что, если бы все зависело от Константи́ни, «Альба» возглавляла бы турнирную таблицу, а если клуб на последнем месте, то в этом виноваты игроки.

Именно тогда я в первый раз услышал фамилию Барелли. Сначала от футболистов, потом от репортеров. Никто ничего не говорил прямо, а только слышались намеки: этот все сделает, он не позволит нам вылететь.

Манлио Барелли был связан с одним богатым клубом второй лиги и пользовался большим влиянием. Судьи делали все, что он приказывал. Однажды Барелли пришел к нам на тренировку. Все игроки произносили его фамилию благоговейным шепотом. Карминато шепнул мне, что Барелли

связан с мафией, шепнул и боязливо оглянулся. Барелли стоял рядом с Константи́ни и наблюдал за тренировкой.

— Если Барелли нам поможет, — говорили ребята, — мы будем в полном порядке. Он знает, как надо разговаривать с судьями.

Один репортер подмигнул мне и сказал:

— Приехал Барелли, значит, вы не вылетите.

В воскресенье мы принимали «Палермо», и я понял, что он имел в виду. Где-то на десятой минуте первого тайма их центр нападения обвел Карминато, и Карминато подножкой сбил его на землю. Хотя их нападающий был в нашей штрафной площадке, судья не дал пенальти, а назначил штрафной удар. Во втором тайме Джорджо сделал мне передачу, защитники «Палермо» остановились, считая, что я вне игры (я сам так считал), но я все равно прошел вперед и забил гол. Судья его засчитал.

Игроки «Палермо» выходили из себя, толкали и пихали судью. Тогда он вытащил красную карточку и удалил одного из них. Их осталось десять, и счет стал 2:0. Я головой сбросил мяч в центр, и Альмиранте забил. Никакой радости я не испытывал, да и все молчали после игры в раздевалке, даже Константи́ни, хотя он-то был очень доволен.

Голы, голы — от этого все сходило с ума. Забиваешь — король, не забиваешь — того и гляди вышвырнут из клуба. Неважно, как ты это делаешь: добиваешь мяч, который отбил вратарь, вкатываешь его в ворота или делаешь это красивым ударом головой или эффектным ударом через себя в падении. Можно прекрасно провести матч, с твоей отличной передачи забьют гол, ты в нужный момент уведешь защитника из его зоны — все это не произведет впечатления ни на болельщиков, ни на директоров клуба, ни на журналистов, хотя уж они-то должны разбираться в футболе и трубить об этом в своих статьях. Выходишь со стадиона после игры, забив гол, болельщики кричат: «Браво, Кардинале!» Не забил — картина совсем другая: приветствуют того, кто забил, а тебе могут крикнуть: «Эй, Кардинале, когда же будешь забивать?» Если не забиваешь две-три игры подряд, болельщики кричат с трибун и остаются после игры, чтобы

бросить тебе: «Хватит валять дурака!» И еще всякие слова, которые лучше не цитировать.

Неделю после игры весь Рим ведет себя так же: забил — вокруг приятные взгляды, улыбки. Ты герой. Не забил — все ходят хмурые, слышишь про себя очень неприятные вещи, люди подходят на улице и выговаривают тебе: ты задолжал им голы.

В конце сезона мы участвовали в розыгрыше Англо-итальянского кубка. Игра с клубом «Кристэл пэлэс» получилась жуткой. Я знал, что так будет, еще до того, как мы вышли на поле. Ренцо Карминато сказал:

— Мы будем играть жестко.

— Брось, Ренцо, — ответил я, — матч ведь не имеет никакого значения. Давай просто поиграем в футбол.

— Ты так говоришь, потому что они твои соотечественники. А если меня тронут, я смогу постоять за себя.

Константи́ни меня не поддержал, наверное, почувствовал настроение команды. Он выдал стандартные фразы: что мы, мол, представляем итальянский футбол, что, хотя это и не чемпионат, на карте наш престиж, мы должны работать на поле с полной отдачей.

Отдача была, но совсем другого порядка. Не прошло и пяти минут, как их защитник случайно сбил Ферруччо Перголу, а тот, когда вставал, ударил его ногой. Двое игроков «Кристэл пэлэс» бросились на него, я встал между ними и сказал:

— Прекратите, ребята!

— Прекратить? Ты видел, что этот ублюдок сделал?

Подбежал судья, маленький веронец (игры в Англии судили итальянцы, а в Италии — англичане). Он совсем не контролировал игру — это еще больше усугубило положение. Была бы у него голова на плечах, он бы предупредил Ферруччо или как следует его отчитал. Вместо этого был назначен свободный в сторону «Кристэл пэлэс» — решение в общем-то правильное, но игроков оно не успокоило.

Потом футбола уже не было — одни нарушения, удары по ногам, ответные удары по ногам. Все кончилось ничьей: 1:1. Некоторые из наших говорили:

— Погодите, вот приедете в Рим.

Перед игрой в Риме тренер

Константини дал каждому по маленькой желтой таблетке.

— Что это? — спросил я.

— Не твое дело. Проглоти, и все! Все остальные уже приняли эти таблетки.

Я заколебался, потому что отлично знал, что это такое: стимулирующее средство, амфетамин или что-то в этом духе. Слухи о применении этих препаратов ходили постоянно. Поэтому и ввели проверку на допинг. До этого допинг использовали многие, а Константини даже среди них выделялся. Особенно когда тренировал клубы Севера Италии. Рассказывают, что эти средства давали побочные действия: к середине сезона футболисты выглядели хворыми стариками.

— Хотелось бы знать, что это такое, — сказал я.

Тут он начал орать на меня — вечная история, когда он не прав:

— Что ты в этом понимаешь? Ну скажу я тебе, ты все равно ничего не поймешь! Сказать тебе химическую формулу?

— Я просто хочу знать, что это, — сказал я.

Он в отчаянии вскинул вверх руки и позвал врача команды, который, попроси его Константини, назовет белое черным:

— Доктор Малинуччи, скажите этому футболисту, что таблетка безвредная.

Малинуччи подошел и сказал, правда, не очень уверенно:

— Конечно, безвредная.

— Это амфетамин?

— Этот препарат изготовлен на амфетаминовой основе, — ответил доктор, не глядя на меня.

— Примешь таблетку или нет? — заорал Константини.

— Только если доктор гарантирует мне, что она безвредная.

— Доктор, дайте ему гарантию, — сказал Константини.

— Гарантирую, что таблетка безвредная, — сказал врач.

Оба они в упор смотрели на меня, я проглотил таблетку, боясь подавиться, и повернулся к ним спиной.

— Что? Не хочешь против своих английских дружков играть? — злобно спросил Карминато перед тем, как мы вышли на поле. Я не ответил. Когда мы шли по туннелю мимо игроков «Кристэл пэлэс», Карминато плюнул в одного из них.

Таблетка придавала огромную силу и энергию. Я чувствовал, что могу бегать вечно, без остано-

ки, сокрушать хоть кирпичные стены, любой мяч мой, я могу все.

На поле один или два английских игрока поздоровались со мной: «Привет, Тони». Мне было не по себе: я знал, что произойдет.

Но очень быстро и они все поняли: на первой же минуте Карминато завалил их центрального нападающего. Английский судья засвистел и отчитал Ренцо, который ни слова не понял по-английски, а только, как обычно, с сожалением разводил руками. Я думал, его предупредят, но этого не произошло. Лючано Гетти был умнее: он все делал без мяча; я случайно оглянулся — игрок «Кристэл пэлэс» валялся на земле, держась за лицо. Я хорошо знал, что случилось, но ни главный, ни боковой судьи ничего не видели. Мне было противно и стыдно.

Странное дело: наверно, начал всерьез действовать препарат. Я чувствовал злость и желание драться. Я хотел бить их, бить этих английских свиней.

— Ты кто? — заорал Карминато, когда я помог подняться англичанину, которого снес кто-то из наших. — Англичанин или итальянец?

Нечего мне было напоминать — я итальянец. Мне это внушили, пока я играл за английский клуб: «проклятый итальяшка», «чертов макаронник», «грязный иностранец». Их центральный полузащитник перехватил пас, который дал мне Франко Ансельмо. Не соображая, что делаю, я подсек англичанина под обе ноги. Раздался свисток судьи, полузащитник посмотрел на меня с земли и спросил:

— И ты такой же зверь?

Мне захотелось ударить его ногой, я едва сдержался. И испугался сам: такого со мной не было никогда в жизни.

Судья делал все, что мог, но в критические минуты не проявлял нужной строгости. И правда: попробуй удали игрока римской команды, когда жаждущие крови трибуны просто воют — зрители моментально перелезут через проволоку и выбегут на поле.

К двадцатой минуте первого тайма мы вели 2:0. Хороший гол забил Джанни Альмиранте: обвел одного защитника и ударил. Второй забил я. Потом судья назначил одиннадцатиметровый в наши ворота — весьма смелый поступок, хотя нарушение было явным: их центральный нападающий вошел в штрафную. Ренцо просто ударил

его ногой, и тот упал. Пенальти долго не могли пробить: пострадавшему оказывали помощь, зрители свистели и вели себя как психопаты; наши игроки обступили судью, спорили с ним (некоторых он предупредил) и несколько раз выбивали мяч с одиннадцатиметровой отметки. В конце концов их левый защитник ударил и забил гол. На него сразу же бросился Джанни Альмиранте и с размаху ударил. Защитник отпрыгнул, побежал на свою половину, а Джанни за ним. Последним мчался судья и свистел, пытаюсь остановить Альмиранте. Судья предупредил его, и, мне показалось, Джанни хотел и его ударить. Бог знает что бы тогда произошло.

В перерыве Константини подлил масла в огонь:

— Все в порядке, игра наша. Не расслабляться. Удерживать инициативу. Забейте в первые десять минут гол — и конец им.

Мимо меня прошел Франко Ансельмо и тихо сказал:

— Делай, как я. Положи таблетку под язык, а потом выплюнь.

Во втором тайме мы забили еще три гола, два из них — я. Они ответили одним красивым голом под конец матча. Им пришлось заменить двух игроков, и еще трое хромали: Карминато и Гетти старались всю до финального свистка. Игра закончилась, я повернулся к их центральному полузащитнику и протянул ему руку.

— Шел бы ты... — сказал он и тут же рванул с поля так, как будто за ним собаки гнались. Я понял почему: болельщики уже лезли через проволоку, швыряли что ни попадя в игроков «Кристэл пэлэс», которые подбегали ко входу в туннель.

Когда я спустился в туннель, то услышал впереди какой-то шум: Ренцо Карминато свалил одного из английских игроков на землю и бил ногами. Я подбежал, схватил Ренцо и оттащил назад. Мне пришлось нелегко, хотя я гораздо больше его. Он просто взбесился — вырывался, ругался и орал:

— Я его убью!

Я еле удержал его. Тут подошли тренер «Кристэл пэлэс» и его помощник. Они подняли беднягу с земли — он дрожал.

— Вы откуда, ребята? — спросил помощник. — Из мафии?

Перевел с английского
Л. ВОЛОДАРСКИЙ

МОДА

Предлагают
модельеры

ЧССР,
ГДР,
СССР,
СРР,
ВНР.

Индекс 70781
Цена 25 коп.